

В.А. Разумный

**ВЕНЕЦ ТВОРЕНИЯ
ИЛИ
ОШИБКА ПРИРОДЫ**

/йехуизм и сумерки человечества/

**Йехуизм как система и эквитизм
в суперсистеме.
Цунами йехуизма и коллапс
информационной цивилизации.**

МОСКВА 2003

Йехуизм как система и эквитизм в суперсистеме

Отступление в цитадель логистики

Классифицируя йехуистов прошлого, настоящего и будущего во второй части книги, я отчетливо понимал, что предложенный мною подход к подобному массовому и зловещему порождению животворящей, но допустившей ошибку природы основан на предельно широком логическом основании, более широком, чем все привычные и поэтому кажущиеся достоверными социологические схемы. Устоявшиеся стереотипы в теории весьма трудно преодолеть, хотя живая мысль всегда размыкает их, предлагает иные, пусть вполне неординарные и даже странные конструкции и решения. Напомню, что Сирил Паркинсон в порядке литературной шутки создал книгу «Законы Паркинсона», но о выдуманных им законах вполне серьезно говорят ныне даже публицисты и политологи, именовавшиеся ранее международными обозревателями. Признали эти законы и серьезные исследователи. Работая над книгой логико-сатирического жанра, я был далек от амбициозных претензий на социологическое новаторство.

И все же предложенный мною принцип классификации йехуистов вполне неожиданно был принят как гипотеза серьезными учеными как вполне корректный, позволяющий перейти к следующему необходимому этапу логического поиска – к **систематизации этого массового порождения дьяволиады**. К такому переходу побуждали и многочисленные отклики читателей на первые две части моего труда. Оставляю в стороне обиды тех, кто почему-то узнал в книге свои портреты, хотя речь шла о способе бытия миллионов человеческих особей, а не об индивидуальных карикатурах. Действительно, правы были древние, говоря о пафосе любой басни: *De te fabula narratur!*

Любопытно, что ни один из моих читателей или оппонентов сейчас не отрицает принцип классификации, предложенный мною, равно как и необходимость системного подхода к миру йехуизма. Замечания, заслуживающие серьезного внимания, лежат в иной плоскости. Мне представляется, что они носят эмоциональный характер и вызваны фактом социальных потрясений в новое время, но отнюдь не глубинными, тектоническими причинами, порождающими их. Разумеется, позволю себе полностью проигнорировать завывания и причитания некоторых поверхностных журналистов о ближайшем Конце свете, о датах Всемирного апокалипсиса. Как коренной, исконный и профессиональный журналист, с пониманием отношусь к стоящей перед ними неумолимо и повседневно задаче поиска заработка любой ценой, ибо о них сказано, что волка кормят ноги, а посему далек от намерения кого – либо осуждать за некомпетентные суждения.

Многие достойные всяческого уважения корреспонденты, в том числе – и в Интернете (где вполне загадочно систематически проявляется доброе отношение ко многим моим книгам в отличие от тенденциозного и упорного игнорирования их «большими издательствами»), упрекают меня за предельно пессимистический взгляд на человека. Искренне сожалею, что они уподобились страусу, зарывающему голову в песок при надвигающейся опасности: мерзопакость массового человека, *Homo vulgaris* стала ныне не только

очевидной для всех мыслящих и тонко чувствующих и искренне верящих людей, но и приобрела значение аксиомы и доминирующего тезиса в сфере любой формы борьбы за социальный прогресс.

Забыв об уроках духовной культуры прошлого, об ее беспощадных выводах о толпе, о массовом человеке, более того – о преступных, алогичных, бессмысленных его деяниях, они продолжают в прекраснородушном экстазе тешить воображение некоей идеальной конструкцией человеческого совершенства во всех сферах его жизнедеятельности, во всех проявлениях, отрешиваясь не без суеверного ужаса от мрачной реальности. И сварливо негодуют по поводу того, что мир не совпадает с их представлениями. Жалею, что многие из них лишены живого, непосредственного контакта со все новыми и новыми поколениями рода человеческого, контакта, который для меня как педагога составляет суть бытия и в конечном счете – источник реальной, а не утопической надежды. И одновременно – основой вполне трезвой оценки ситуации, в которой ныне оказался род человеческий, ситуации, в которой волны новых его поколений по загадочной на первый взгляд закономерности все активнее и чаще воспроизводят человеческую дьяволиаду во всех ее проявлениях.

Другие же мыслящие люди упрекают меня в ином грехе – в предельном либо осторожном оптимизме по отношению к человеческой породе и к будущему человеческой цивилизации. Так, один из выдающихся русских психологов современности блистательно выразил подобную позицию. Он писал мне: «Я благодарю Вас за Ваши размышления о сути человека вообще и каждого из нас в частности и за попытку осуществить классификацию людей, образующих макрообщность – человечество и, главное, за нетривиальный прогноз будущего, которое ждет землян. Но в последнем Вы большой оптимист, чем я. В.И. Ленин, имея в виду не огрызок нашей великой страны, в который ее превратили самые большие в ее истории внутренние враги (конечно, при пособничестве ее врагов внешних), а ту страну, которую своим умом, потом, кровью, жизнями многие столетия создавали поколения за поколениями наших соотечественников, как Вы помните, писал: «Дайте нам партию революционеров, и мы перевернем Россию». То есть требовалась организация, чтобы осуществить этот замысел. А сейчас проблема посложнее: сменить на противоположный вектор движение всего нашего мира. Для этого тоже нужна организация, но уже во сто крат сложнее по всем своим характеристикам и масштабам деяний. Создание ее, на мой взгляд, - утопия. И события на планете Земля и дальше пойдут так, как они идут, т.е. в направлении гибели человечества, а может быть и планеты, поскольку ее убиение идет по нарастающей».

Разумеется, слова ученого-мыслителя не могут оставить равнодушным любого порядочного, честного человека, который не подвергся еще лоботомии всевластными бестиариями. Бесспорно и то, что при нынешней их вселенской мощи и тысячелетнем опыте выживания в борьбе с человечеством и человечностью они не допустят создания даже видимости подобной организации поборников добра. Сейчас они на наших глазах и при молчаливом пособничестве большинства равнодушного человечества идут в последний и решительный бой на те страны и регионы, которые еще сохраняют (пусть – даже призрачную) независимость и приверженность идеалам добра, справедливости,

человеческой солидарности. Кстати, под теми же хоругвями и лозунгами, под которыми сокрушили самую уникальную в истории социалистическую цивилизацию в нашей стране. Но не будем торопиться с выводами – эквитисты бессмертны и последнее слово – за ними. Здесь количество не имеет решительно никакого значения. Помните, как говорится в одной из пьес Генрика Ибсена: «Самый сильный тот, кто борется в одиночку». Именно поэтому я не мог не поставить перед собою параллельной задачи – классификации, а затем – и систематизации эквитистов.

Но не тут-то было ! Какие бы усилия я не прилагал, каких бы специалистов не призывал на помощь – все оказывалось тщетным. Не поддаются эквитисты классификации – да и все тут ! Даже компьютер и в совершенстве владеющие им уникальные специалисты по компьютерным технологиям, к которым я обращался в полной растерянности, не могли мне помочь, ибо каждый раз они имели дело не с общим и особенным, но с единичным и неповторимым. Грубо говоря, с объектом, не имеющим четкого алгоритма. Можно при желании и при полном отсутствии исторического чутья сравнить подвиг Муция Сцевоиллы с Голгофой, на которую сознательно взошел советский генерал Дмитрий Карбышев. Но ни к какому единому классу человеческой породы или человеческого бытия их не отнести даже при самом больном воображении. Если Гаутама провозгласил на основе вполне реального жизненного опыта и личных переживаний нормы выживания человечества, то вроде бы аналогичную попытку предпринял и великий Кун Фу–Цзы. Но между ними – океан различий, порожденный духовными исканиями на фундаменте культуры своего этноса; именно поэтому они, оставаясь эквитистами, абсолютно несопоставимы. Если на костер всходит Ян Гус, то Саванаролла остается отличным от него как новый и замкнутый в своей целостности мир. Если В.И. Ленин нашел организационный рычаг, предопределивший величайший переворот в истории и самосознании забитых, темных масс, и эту его историческую миссию никогда и никому в конечном счете не оболгать, не представить как шаг на пути к тирании, то иным, но не менее действенным, оказался путь непротивления злу – насилием, предложенный Толстым и Ганди.

Подсуетились здесь и великие путаники - йехуисты от науки, веками пытавшиеся доказать, что гений, пророк, провидец – аномален, что эквитисты, в любой сфере деятельности сродни сумасшедшим, а потому в итоге – опасны для обычных, не выламывающихся из установленного миропорядка людей. Предопределил неволью эту роковую и вполне европейскую тенденцию яркой и эпатажной мещанина книгой «Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными» проф. Ц.Ломброзо еще в конце XIX века. Чтобы доказать сегодня подобный дикий тезис, тешащий посредственность, тусклую бездарность, йехуисты – демагоги не жалеют любых красок в палитре присущего им изначально невежества для того, чтобы утвердить в массовом сознании самые нелепые домыслы о святых и мучениках на пути движения Мирового разума.

Вчитайтесь в свободную (конечно, от чести !) массовую прессу наших дней – и вы будете ошеломлены журналистскими легендами и мифами об аномальности эквитистов, которые либо педофилы, либо педерасты, либо люди, подверженные болезни труположества, либо скрытые, зловещие убийцы и предатели, либо

участники самых опасных террористических заговоров, либо откровенные трусы, либо гробокопатели чужой славы, либо духовные извращенцы. Ибо они выламываются за обычные тусклые представления о нравственности, разрабатываемые и насаждаемые йехуистами. Кстати, эквитисты с юмором относятся к подобным назойливым укусам литературных слепней. Вспомните слова великого Сальвадора Дали, которого поняли и восприняли многие из нас далеко не сразу: «Между сумасшедшим и мной только одна разница. Я – не сумасшедший».

Естествоиспытатель - эмпирик, оказавшись в подобной ситуации и лицом к лицу со столь странным объектом исследования, решил бы, что изучаемый им материал – абсолютно аномален, ибо он несопоставим со всем, что ему известно во Вселенной по поливариантности. А стало быть, такой объект не дает в силу своей единичности, уникальности какого бы то ни было основания для теоретических обобщений. **Но ведь возможен и другой логический ход: именно эквитисты абсолютно нормальны в сравнении с йехуистами как с ошибкой природы.** И невозможность классификации эквитистов есть лишь *argumentum a contrario*, доказательство от противного, констатация йехуизма как вселенской ошибки, которую история призвана исправить, дабы развеять сумерки человечества. Возможность же классификации йехуистов есть лишь косвенное признание их антиприродности, ошибочности. В конце концов и в самой строгой естественной науке есть место для классификации природных аномалий и их систематизации. Отказаться от этого – значит проигнорировать возможность осознания истины через аномальные проявления бытия. А стало быть – остаться в пределах примитивной, плоской логики.

В поисках несуществующего алгоритма

Чтобы прояснить ход моих дальнейших рассуждений, и прежде всего попытаться раскрыть логику необходимого ответа на сакраментальный вопрос о принципиальной возможности божественного, совершенного человека, *Homo divinus*, а тем самым – о возможности исторического оптимизма, следует с допустимой мерой точности определить, что же понимается мною под систематизацией и допустима ли она при анализе процессов и явлений, не поддающихся классификации. Вопрос отнюдь не абстрактный, ибо многие психологи, еще вчера бывшие правоверными философами – марксистами, а ныне как *Homo renegatus* провозглашают любую систематизацию зловещим влиянием «тоталитарных систем», в частности – выращившего их социализма.

Здесь нет необходимости спорить с их политическими благоглупостями, равно как без нужды изобретать велосипед – по вопросам теории систем, об их определении и принципах организации имеется почти неисчерпаемая мировая литература вопроса. Ознакомьтесь с нею всем нам ныне помогает даже любая информационно–поисковая система в Интернете. Отсылаю к ним действительно заинтересованного читателя. Мой замысел менее претенциозен: найти то рабочее, операционное определение, которое поможет разобраться с мировой паутиной йехуизма как сложившейся и вполне зловещей реальной системой, проанализировать механизм ее действия и попытаться вполне утопически, почти на образном уровне представить сущность неодолимого натиска эквитистов как

выламывающихся за рамки любой системы Рыцарей Печального Образа. А быть может, как провозвестников новой, озаренной духовностью Системы бытия свободного и радостного человечества, способного навсегда искоренить йехуизм на нашей планете. Повторяю – навсегда !

В обычных Толковых словарях русского языка **система** трактуется как совокупность абстрактных или материальных объектов с известными либо заданными связями и отношениями, образующих в известном либо заданном смысле единое целое. Для Толкового словаря – достаточно и достоверно, для научного же поиска сказанное напоминает абракадабру. Здесь что не тезис, то необходимость его опровержения как алогичного и некорректного в теоретическом отношении. В теории систем деление абстрактных и материальных объектов – абсурдно. Связи между объектами не могут быть либо известными, либо заданными, ибо они относятся в совокупности к бытию любых объектов, есть их неперменная ипостась, а не область сознания. Не случайно в традиционном Философском словаре, написанном специалистами, владеющими логикой познавательного процесса, говорится точнее: «Система (греч. *sistema* – составленное из частей, соединенное) – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность и единство». Но и это – не определение, а описание, в котором присутствуют уже другие логические ошибки, говорится об отношениях и связях, когда любая связь и есть отношение; в равной мере целостность и есть единство, здесь «и» лишь для обналичивания элементарного текста.

К сожалению, наиболее употребляемые в педагогическом быту словари не учитывают новых исканий ведущих ученых наших дней, по необходимости оперирующих понятием «система» в целях разработки современных информационных технологий и основ компьютерного мышления. Назову для примера получившие общее признание большой науки труды проф. С.П.Расторгуева «Философия информационной войны» и «Анатомия причинно – следственных связей». Несколько нарушая общую концепцию моей работы, исключая традиционные ссылки, сноски, цитаты, зачастую мешающие словно лианы пробираться вдумчивому читателю сквозь хитросплетения авторских идей, приведу предложенные Сергеем Расторгуевым исходные операционные определения информационных систем. С его точки зрения информационная система – это система, осуществляющая: получение входных данных; обработку этих данных и/или изменение собственного внутреннего состояния (внутренних связей/отношений); выдачу результата либо изменение своего внешнего состояния (внешних связей/отношений).

Без особого труда можно заметить, что автор отчетливо стремится преодолеть крайнюю неопределенность «словарных» завоеваний, понимая, что определение уже есть теория вопроса в концентрированном виде. Разворачивая его, он выделяет простую информационную систему, элементы которой функционируют в соответствии с правилами, порожденными одним и тем же взаимонепротиворечивым множеством аксиом; а далее он выделяет сложную информационную систему, порожденную отличными друг от друга множествами аксиом. В последнем случае он допускает, что среди правил функционирования различных элементов могут быть взаимопротиворечивые правила и цели. Не берусь интерпретировать его определение, ибо далек от той культуры

современного математического мышления, которая при чтении цитируемой книги является обязательной. Равно как, наверное, и тот основной контингент моих читателей, к которому я взываю бороться за Homo divinas, призванного стать спасителем человеческой цивилизации и нашей предельно хрупкой планеты. Обращаю лишь ваше внимание на тот акцент, который Сергей Расторгуев делает на значение аксиом, правил и целей, равно как и на внешние и внутренние отношения объектов/субъектов.

Стремясь избежать дилетантизма, который, как я постараюсь доказать далее, стал решающей характеристикой массовой культуры, если хотите – ее стихийным бедствием, я вновь и вновь прибегал к консультациям ведущих специалистов – математиков и теоретиков разнообразных систем. В итоге моей теоретической назойливости один из видных российских ученых – математиков профессор Борис Файзулаев предложил краткое определение, которое помогло сосредоточить разрозненные мысли об йехуизме и эквитизме в одно жесткое русло логического поиска. **С его точки зрения, система есть взаимосвязанная определенными (регламентированными) отношениями совокупность объектов/субъектов, поведение которой определяется в значительной степени (в пределе – целиком) взаимоотношениями между объектами/субъектами, а не спецификой (параметрами, свойствами) самих объектов/субъектов.**

Понимаю, что читателю, склонному к гуманитарному типу мышления, и такая формулировка покажется усложненной. Но в действительности это – удивительно изящное теоретическое решение проблемы систематизации йехуизма и бессистемности эквитизма, которая стала для меня камнем преткновения на длительный период работы над завершающей частью моего труда о человеке как ошибке природы. Осознаю также, что выхожу за рамки избранного мною героико-сатирического жанра. Как говорится, постараюсь исправиться при дальнейшем изложении моих парадоксальных мыслей. И здесь невольно вновь и вновь вспоминаешь величайшего гения XIX века, который предельно афористично выразил существенную для моего поиска мысль: «Человек есть совокупность всех общественных отношений». Проанализировать их – таков единственно плодотворный путь к осмыслению любой системы человеческого бытия, а стало быть – и ее изменения.

Опираясь на эту универсальную в научном отношении формулу, я в предыдущих работах пытался дать развернутый анализ конкретных модификации человеческих отношений, тех связей, которые наиболее существенны для понимания человека. Они дифференцируются в мировой литературе довольно просто: прежде всего, соответственно динамике человеческих потребностей определяется структура общения, а именно – продуктивно-творческое общение, интеллектуальное общение, эмоциональное общение, духовное общение на основе веры. А затем, на фундаменте подобной логической конструкции, ищут ее подтверждений во всех основных формах постижения истины. Не буду повторять эту известную любому студиозу дифференциацию. Для достижения интересующей меня исследовательской цели гораздо существеннее осознать **наряду со структурой типологию общения**, до мельчайших деталей исследованную в истории человечества его наукой, искусством, верованиями. Позволю себе повторить с необходимой

корректировкой некоторые мысли, высказанные более пятнадцати лет тому назад мною в одной из уже преданных нормальному забвению книг.

В иерархии человеческого общения, из которого и соткана многослойная паутина нашего бытия, в первую очередь выделяется **общение реальное и общение иллюзорное**. Реальное общение основано на непосредственных контактах человека с человеком (с другим человеком, с группой, с обществом – в данном аспекте эти понятия имеют однопорядковое значение как узлы любой системы). Такое общение и есть наша бурная, неумная, повседневная жизнь, со всеми ее перипетиями, неожиданными поворотами судьбы, конфликтными ситуациями и необходимым для выживания конкретной системы человеческим единением. Где нет этого общения – нет и жизни. Попробуйте представить себе дистиллированное общество из одних эквитистов! Полагаю, что самое буйное воображение здесь будет принуждено к молчанию. Столь же абсурдно предположение о возможности существования человеческой общности, состоящей из одних йехуистов, без эквитистского противовеса или даже без животного страха перед эквитистами. Вообще йехуисты и эквитисты – чистые типы, в живой и полнокровной реальности высвечиваются всеми цветами спектра человеческого бытия, так что индивидуальную доминанту определить, как правило, отнюдь не просто. Ибо так всегда бывает при столкновении с суперсистемой.

К реальному общению, в которое поневоле включены все мы безотносительно к нашим индивидуальным особенностям и амбициям, можно отнести и любовное общение и контакт с проституткой, общение в многоплановой трудовой и общественной деятельности и игровое общение праздных ленивцев, дружеское общение и глухое, непримиримое людское повседневное противоборство в войне всех против всех.

Иллюзорное же общение занимает в системе человеческих отношений куда большее место, чем можно было бы предполагать с позиций строгого прагматизма. Так, читая «Повесть временных лет» или «Ригведу», «Энеиду» или «Шахнаме», мы не только воссоздаем в продуктивном воображении образы давно минувшего и неведомого нам времени, а переживаем информационную ситуацию общения с прошедшим, но отнюдь не исчезнувшим безвозвратно (напомню здесь значение великих мировых вероучений). Его вполне реальное бытие в современности обусловлено во многом еще неразгаданными особенностями самодвижения человеческой культуры. Ведь не случайно и прошлое активно по отношению к нам, ибо прошлое – не прошло, оно воздействует и на современную социокультурную ситуацию, и на наши жизненные ориентации и предпочтения, и даже на функциональную вариативность общения живых людей, тех, кто принял эстафету практического опыта от прошлого, кто передает ее будущему, просветляя или искажая его человеческий лик.

«Против истины, - говорил Дени Дидро, один из тех просветителей, который изгнаны ныне из русской, да не только из русской школы, - ничто не устоит. Плохое забывается, несмотря на восхваления глупцов. Хорошее живет, несмотря на колебания невежд и вопли завистников. Прискорбно то, что людям воздают справедливость лишь тогда, когда их уже нет. Лишь после того как отравили им жизнь, бросают на их могилу несколько поблекших цветов». Как

часто и с поразительным однообразием все мы бросаем цветы на безмолвные могилы, проклиная то, чему еще недавно молились и обожествляем то, что изгоняли из сферы своего индивидуального опыта.

Поклонники золотого тельца, еще вчера бывшие ярыми комсомольскими или партийными функционерами, равно как и спасенные от тотального фашистского истребления Россией торжествующие иудеи, поносящие всеми средствами массовой информации, неожиданно оказавшимися в их собственности, ее великих революционных лидеров – нужны ли еще какие – либо примеры для подтверждения вечного и нарастающего торжества йехуизма !

Кстати, все они без исключения используют до идиотизма простой прием исторической фальсификации для расправы с прошлым, для игнорирования объективных данных строгой исторической науки. Проиллюстрирую суть этого приема на одной из десятков тысяч книг, выпущенных в России после событий 1991 года, сразу провозглашенной в ангажированной лидерами социального переворота прессе образцом блистательной, современной журналистики. Это – книга уже преданного естественному забвению израильского журналиста Леонарда Гендлина «Исповедь любовницы Сталина». Согласитесь – трудно удержаться от искушения приобрести подобную книгу и узнать тайны интимной жизни великого человека, никогда не становившиеся достояниями «гласности». Не удержался и я. Прочитал. Но сидит во мне неистребимый читатель, для которого уже многие десятилетия чтение двух – трех книг в день стало естественной, почти гигиенической потребностью аутотренинга. И сразу же в голове возник какой-то неопределенный сумбур, вызванный ощущением полной вторичности всего прочитанного. Теперь, после долгой, нудной, кропотливой работы, сделанной мною с друзьями–библиотекарями, могу подтвердить подобный резкий вывод хотя бы одним, но вполне достаточным примером, абсолютно типичным для всего издания.

Так, на стр.106 журналист приводит воспоминания В.А. Давыдовой (а эта выдающаяся русская певица и есть героиня книги Л. Гендлина) об одной из интимных встреч со Сталиным. Он в перерыве между характерной для подобной ситуации фразами вдруг начинает поучать любимую женщину: «Я знаю, - говорит он в защиту В.И. Ленина от клеветы, - что клевета и ложь – узаконенный метод политики мещан, обычный прием борьбы против врага. Среди великих людей мира сего едва ли найдется хоть один, которого не попытались бы измазать грязью. Кроме того, у всех людей есть стремление не только принизить выдающегося человека до уровня своего понимания, но и попытаться свалить его под ноги себе, в ту липкую, ядовитую грязь, которую они, сотворив, наименовали обыденной жизнью ».

Скажу откровенно – прежняя брезгливость от ощущения полной компилятивности книги сменилась откровенным негодованием. Ведь любой школьник доперестроечной поры знал этот текст почти наизусть по знаменитой статье А.М. Горького «В.И. Ленин», написанной как непосредственный отклик на смерть вождя. Не верите ? Откройте том 17 Полного собрания сочинений А.М.Горького в Тридцати томах на стр.27 – и вчитайтесь даже бегло. Один к одному, без исключений ! И так построена вся книга, где уже опубликованные воспоминания, архивные материалы, данные разных словарей, справочников, даже – широко известных уже в тридцатые годы Протоколов Съездов и

публичных судебных процессов так «перелопачены», что вдруг вполне неожиданно, на радость невеждам–йехуистам звучат как нечто свежее, ранее неизвестное в устах героини книги. Между прочим, по подобной же «методике» бульварной прессы построены и многие книги о периоде социалистического строительства в СССР, и о Великой Отечественной войне. Вчитайтесь хотя бы в «смелые» книги некоего Суворова, вызвавшие сразу же слезливое подвыивание наших мешаночек обеих полов в честь нового «правдоискателя» и вы без особого интеллектуального напряжения поймете, что все данные о наших потерях в первый период той страшной войны, о реальных просчетах руководства и страной, и армией не «открыты», но позаимствованы им полностью из фундаментальной книги «Великая Отечественная война», созданной большим коллективом наших военных историков. Yiehu – renegatus смог добавить лишь серию пасквильных вставок для обострения сюжета.

Иллюзорное общение – это не только контакт с прошлым, но и все многообразные воображаемые переживания, на фоне которых разворачивается реальная, практическая драма бытия. Вспомним А.П. Чехова: «Когда нет настоящей жизни, то живут миражами». Кто смог бы сказать, сколько этих фантомов воображения всегда роится в нашем сознании! Кто властен измерить, насколько эти миражи могут стать весьма реальными и социально действенными, когда они выходят за пределы воображения, прорываясь либо в сферу поведенческих актов, либо в организацию всей системы общения на основе вполне определенных знаковых установок.

Тут уже важно не само отношение между элементами системы, а сам характер общения. Так, государство в отличие от самоуправляемого коллектива всегда стремится превратить индивида – в личность, отступление от канонизированных групповых норм поведения которой подлежит остракизму, презрению и даже наказанию. Здесь не надо нанизывать пример на пример – это аксиома, характеризующая торжество йехуизма как становящейся системы в любой период человеческой истории. Весьма изящно и предельно убедительно суть этой всемирной аксиомы раскрыл Й. Хейзинга в своем тонком анализе Средневековья, выявив противоречия в индивидуальном и личностном поведении рыцарства. Он отметил: «Этот дух, пылкий и грубый, твердый и одновременно слезобильный, постоянно колеблющийся между мрачным отвержением мира – и наслаждением его пестротой и красотами, не мог бы существовать вне системы жизненного уклада, обусловленного строжайшими формами. Страсти и переживания необходимо было заключить в жесткие рамки общепринятых форм; таким образом, общественная жизнь, как правило, обретала порядок. И собственные жизненные обстоятельства, и события в жизни других становились неким прекрасным спектаклем, где при искусственном освещении разыгрывались патетические сцены страдания или счастья. Способы выражения непосредственных душевных движений еще отсутствуют; лишь в эстетическом претворении может быть достигнута высокая степень выразительности чувства, которой требует эта эпоха».

Итак, в фантомах зарегулированного воображения – преклонение перед Прекрасной дамой, верность сюзерену, защита слабых и обездоленных; в индивидуальной же жизни – неукротимый блуд, коварство и непостоянство, бесовское попрание достоинства слабых и тем более побежденных, кровь и

разрушение везде – от Европы до Православной Византии. Подобное взаимопереплетение реального и иллюзорного общения в поведении – отнюдь не прерогатива Средневековой культуры. Оно типично для всех этапов человеческой эволюции, в том числе – и для современности. Характер его, конечно, изменяется, ибо йехуисты и эквитисты в конечном счете несопоставимы, находятся в единстве бытия, но вне рамок единой социальной системы. Существование неизменной связи реального и иллюзорного – константа лишь в предельной абстракции. Системный же анализ сразу же спускает нас с высот чистого умозрения, предполагая ответ на вопрос о безусловной истине того или иного типа общения.

В сложной иерархии типов общения отчетливо проявляется такая его модификация, как **общение пассивное и общение активное**. Как их крайние проявления я бы выделил общение аэропортное и общение аудиторное. В аэропорту вы всегда находитесь в необычайно сложных мимолетных контактах с другими людьми – с теми, кто обслуживает вас как пассажиров и с теми, кто вместе с вами готовится к полету, к его неведомости. Но вот вы приземлились – и навсегда забыты все, с кем вы были в контакте, в самых разных ситуациях общения. И след от этого общения – поверхностный, преходящий, зыбкий. Иное дело – аудиторное общение, когда вы (в зависимости от ролевого статуса) или стремитесь активно воздействовать на другого человека, передать ему сумму знаний, навыков, свой практический опыт и свои убеждения, либо, напротив, когда вы оказываетесь в положении обучаемого, призванного все это перенять и усвоить.

Естественно, что в идеале результат такого общения должен быть органичным и глубоким, влияющим на всю дальнейшую судьбу человека. Конечно, и это деление – весьма относительно, ибо грани здесь зыбкие, подвижные. В ситуации аэропортного общения какое – то воздействие может оказаться активным, изменяющим всю вашу жизнь, всю судьбу. Представьте, что именно в этой ситуации вы встретили своего спутника на всю жизнь, самого дорогого и близкого вам человека, либо того, кто далее сыграет на вашем пути роковую роль как доносчик или даже убийца. Но безотносительно к индивидуальному вектору судьбы подобная типология – вполне реальна и во многом может способствовать распутыванию клубка паутины человеческого информационного общения, а стало быть – и роли йехуистов и эквитистов в нашей повседневности.

Думаю, что мое наблюдение относится и к такому типу общения, как **периодичное и постоянное**. Все мы, и герои добродетели, и самые отъявленные мерзавцы, возвышенные мыслители - пророки и нравственные недоросли существуем совместно в определенных временных условиях, которые игнорировать нам не дано. Как не дано узникам на галере отсоединиться от сковывающих их в единое «братство» цепей.

Наше общение подчиняется закономерности длительности контактов, а также их ритмической организации. Периодичное общение отличается временной неустойчивостью, нестабильностью. В такое общение все мы вступаем ежедневно, ежечасно, прерывая контакты, которые остаются лишь как зыбкий след в нашей психике. Периодичное общение порождается многообразием наших потребностей и способов их удовлетворения, что в итоге зависит от других людей, от характера той системы связей, в которую мы вступаем с ними.

Здесь нет стены, разделяющей «чистых йехуистов» и рафинированных эквитистов. Действительно – жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. И самый утонченный эквитист не может не вступать в периодичное общение с презируемыми им йехуистами, хотя бы при элементарной необходимости обратиться к презируемому им чиновнику для получения необходимой справки. Хоть вой, хоть пой – без этого и иных аналогичных поступков, определяемых гнусной повседневностью, не обойтись. Да и закоренелый йехуист – демагог, *yeihu - demagogos* порою, взгромоздившись на парламентскую трибуну, ошарашивает изумленную аудиторию декламацией стихов эквитиста, с которым его сближает только биологическое отношение к человеческой породе.

Постоянное общение связано с функционированием более устойчивых и стабильных потребностей. Оно порою может по длительности совпадать с границами бытия человека (например, его общение с родителями, если речь идет о нормальных для данной эпохи людях, но не о нравственных монстрах), со значительным периодом нашей жизни (внутриэтническое и внутрисемейное общение, трудовые отношения, социальное положение, выстраивающее искусственные барьеры в человеческом зоопарке).

Излагая предложенную мною, равно как признавая любую другую типологию человеческого общения, вполне правомерную для вечно ищущего истину человечества, его интеллекта, эмоций и веры, еще раз оговорюсь, что они наиболее действенны как подспорье для классификации человеческого материала, но не для его научной систематизации. Здесь мы от чего ушли, к тому и пришли, не раскрыв коварной паутины общения йехуизма, а стало быть сокровенных причин его нынешней космической мощи, равно как и тайны бессмертия эквитизма. Возник тот самый мрачный логический тупик, что и при подходе к человеческому материалу в первой части книги, когда социологические схемы и привычные, но обветшавшие философские понятия выявили их полную и хроническую импотентность при классификации современного человеческого материала, естественно – с учетом его предистории.

Читай прочитанное !

Напомню, что именно тогда заново открыл для себя такого гениального мыслителя как Свифт, загнанного йехуистами в разряд детского чтива и сумевшего дать сатиру космической силы на человеческую породу, от которой все представители *Homo vulgaris* пребывают в шоке до сей поры. Тогда же задумался об этом уроке, понимая, что фронтальная атака на йехуизм как систему, равно как и объяснение исторического призвания эквитистов, по неизбежности пребывающих в паутине этой системы, только с плацдарма информационного мышления едва ли может быть результативной. По крайней мере, в интересующей меня связи, в контексте перспектив бытия человека и человечества. Напомню Кун Фу-Цзы: изучайте прошлое, если хотите предугадать будущее.

Внутренний голос, мой демон подсказывал, что здесь нужен интегративный подход, сплавляющий воедино, в новое качественное состояние науку, искусство

и веру, их прошлые искания и новые прозрения. Начал лихорадочно перебирать если не сотни, то десятки любимых и уже проштудированных во время оно книг, в которых так или иначе трактовалась проблема загадочности человеческих отношений, ее отдельные аспекты на уровне подобного единства. Но книги, которая могла бы с мощью гения наших великих предшественников дать целостную и нелицеприятную картину моря всех индивидуальных человеческих судеб, организуемых, а точнее – сминаемых системой и которая дала бы не подлежащий обжалованию приговор государству как системе йехуизма найти не мог. Понимая, что подобное пророческое произведение сразу было бы сожжено, а ее автор не избежал бы любой из страшных кар государственной инквизиции, вплоть до наших дней, отчаялся найти столь нужную историческую опору.

Один урок все же был сразу же очевиден при подобном повторном чтении любимых авторов, в том числе и Свифта, которого и поныне, к сожалению, понимают только профессиональные литературоведы. Мысли подлинно великих эквитистов – ученых, художников, вероучителей, как это ни парадоксально, неизменно были открыто и тенденциозно, я бы сказал – бесстрашно обращены опять-таки на выработку наилучшей, гуманной, разумной государственной системы. Той самой, которую я уже в первом разделе книги охарактеризовал как трагическую ошибку человечества. Раз открытая и утвердившаяся в любой из своих новых метаморфоз, система в конце концов всегда же сжирала своих и конструкторов и пророков, бросала своих избранников и любимцев в огненную пасть Ваала под восторженный вой озверевшей толпы, еще вчера криками, лозунгами, символами, портретами истерически приветствовавшей их как избавителей от тирании старой системы.

Полагаю, что в данном случае мне не надо приводить примеры – драма России последних столетий говорит сама за себя, ибо нет более позорной страницы в нашей духовной истории, чем неумный вой распространяющихся словно плесень йехуистов в адрес той системы, которая была выработана рыцарями революции, мечтавшими о всеобщем распространении и торжестве эквитизма. И которая, кстати, дала им элементарные человеческие права, уничтожила позорную Черту оседлости, убрала навсегда понятия «жид», «инородец». Очевидно, искомый мною автор должен был избежать подобной судьбы в силу специфики избранного им в порядке разумной осторожности синкретичного жанра, который давал бы ему возможность маневра от науки – к искусству, от искусства – к вере, и причем на первый взгляд – вполне ортодоксальной.

Итак, векторы моего поиска Великой книги были определены: 1. Это художественный по форме, по всему строю и научный, энциклопедический по содержанию труд о природе государства как ошибочной системы во всех ее проявлениях и ответвлениях, ставший уникальным по мировому значению художественно - образным приговором государству как торжеству йехуизма и призывом к вере в бессмертие эквитизма; 2. Это – многоплановое синкретичное произведение, в котором под строго научной формой научного и верноподданнического трактата скрыто зашифрованное послание к нам, потомкам; 3. Это собрание Заповедей человека новой, промышленной цивилизации, написанных на ее заре универсально образованным христианским теологом, предвидевшим пути ее развития и грядущие социальные последствия.

Нет нужды доказывать, что нахождение векторов – еще не выработка точных ориентиров пути. Но это – единственно рациональный шаг для их поиска, не сделав который по неизбежности оказываешься в сфере фантазий, домыслов, предположений. И мне удалось его сделать лишь благодаря продуктивной силе воображения, соединяющей порою несоединимое в истину высшего порядка. В воображении и только в воображении возник передо мною образ прочитанной в давние времена книги Томаса Гоббса «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского».

Сразу же хотелось бы успокоить моего читателя – вне моей компетенции давать ту или иную историко – философскую трактовку этой книги, ибо в нашей научной литературе имеются такие фундаментальные, мирового значения труды о Гоббсе, как работы И.С. Нарского, В.В. Соколова, сравнительно недавно, в 1989 году опубликован двухтомник трудов Томаса Гоббса, составленный и отредактированный В.В. Соколовым, которым также написаны исчерпывающие примечания. К ним я и отсылаю читателя, который заинтересуется поразительной личностью Томаса Гоббса и его Великой книгой. За собою же оставляю право, которое является неотчуждаемым от каждого нормального и думающего человека – предложить ту интерпретацию «Левиафана», которую породило мое новое, индивидуальное открытие мыслителя 17 века как пророка современности. Нелепость ? Быть может, но не мною она высказывается впервые. Ведь не случайно Цицерон заметил: «Право же, какую можно высказать еще нелепость, которая бы уже не была высказана кем-нибудь из философов !».

Очевидно, именно философы так напугали призраком Томаса Гоббса, его свободомыслием и антийехуизмом царское правительство, что даже перевод, впервые вышедший в Санкт-Петербурге в 1864 году, был запрещен. Думаю, что и нынешним йехуистам – ренегатам не грех вчитаться в загадочное произведение английского поборника истины и порекомендовать правящим бестиариям либо запретить его, либо так прокомментировать, чтобы поборник свободы и враг тирании превратился в адепта безграничной власти абсолютного меньшинства или же одного суверена над всем человечеством. При определенной мере благоглупости и одномерности мышления подобный комментарий вполне возможен, ибо гениальный писатель прекрасно понимал, в какой социальной среде жил и чем грозит ему наивная философская прямолинейность. Как тонко и точно подметил В.В. Соколов, труд Томаса Гоббса сразу подвергся резким нападкам роялистов и клерикалов, что побудило корректировать его книгу в новых изданиях: «В предисловии к «Замечаниям...» Филмер потребовал от Гоббса выбросить из названия его произведения слово «commonwealth», ибо «невежественные люди» могут истолковать его как «народное государство», что способствует усилению эгалитарных, уравнилельских тенденций (которые, как известно, действительно были присущи левеллерам и диггерам). В дальнейшем, после смерти Кромвеля и воцарения Карла II роялистско-клерикальная идеология стала фактически официальной и положение Гоббса оказалось сложным и небезопасным. В этих условиях он был вынужден несколько поправить свои социально – философские идеи, сформулированные в «Левиафане». Более того, он признается, что использует некоторые тексты Священного писания в иных целях, нежели они используются другими, теми, кто атакует «гражданскую власть».

Но и ранее, до подобной корректуры и успокаивающих оговорок Томас Гоббс как гениальный мыслитель и писатель так зашифровал свои истинные взгляды на йехуистов и их порождение – государство, что читать его сегодня не менее сложно, чем Свифта. Еще раз повторяю – не вступая на торную тропу историко-философской трактовки труда Томаса Гоббса, попытаюсь прочитать его с позиций современного эквитизма, а стало быть – свободомыслия и гуманизма. Такой подход сразу же ставит все на свои места, а Гоббса превращает в пророка новой цивилизации, основанной на разумном самоуправлении достойных, духовно просветленных людей, граждан, не нуждающихся в насилии над любой из сторон их бытия и способных жить в гражданском обществе без любых форм власти.

Вдумайтесь – мог ли Гоббс, который ныне признан как один из ведущих религиоведов мира, имевший блистательное теологическое образование, случайно назвать книгу по имени Левиафана, морского чудовища из Книги Иова, или всепожирающего изгибающегося змея из Книги Исаяи, которого Всевышний обязательно поразит карающим мечом. И почему он называет Левиафана, то - есть государство, искусственным человеком, более сильным, чем естественный человек ? Он пишет: «В этом Левиафане *верховная власть*, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная *душа*; должностные лица и другие *представители судебной и исполнительной власти – искусственные суставы*; *награда и наказание (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к седалищу верховной власти и побуждаются исполнять свои обязанности)* представляют собой *нервы*, выполняющие такие же функции в естественном теле; *благосостояние и богатство всех частных членов представляют собой его силу; salus populi, безопасность народа*, - его занятие; *советники*, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой *память*; *справедливость и законы суть искусственный разум (reason) и воля*; *гражданский мир – здоровье*; *смута – болезнь*, и *гражданская война – смерть*. Наконец, *договоры и соглашения*, при помощи которых были первоначально созданы, сложены вместе и объединены части политического тела, похожи на то «fiat», или «*сотворим человека*», которое было произнесено Богом при акте творения».

А дальше, по ходу изложения основных идей книги, Томас Гоббс дает такую классификацию, типологию йехуизма, такую точную и полную сарказма анатомию ошибочности человеческой природы, которой не было до него ранее, да и вряд ли ее осияют авторы будущих гуманистических трактатов. При этом он нигде не преступает законы жанра, обсуждая даже наиболее очевидные уродства власти на всех ее этажах весьма серьезно, как законопослушный подданный монарха и истинно верующий. Между прочим, именно Гоббс раскрыл, высветил, сделал всеобще – очевидной паутиной взаимоотношений йехуистов, которая делает их в глазах большинства людей – неистребимым и даже неизбежным злом. Даже тогда, когда это зло перерастает (как ныне) все допустимые для выживания организма габариты и закрывает лучи живительного Солнца для большинства «простых» людей (словечко-то какое запустили в оборот «непростые» представители правящего быдла, сжирающие все результаты производительного, интеллектуального и художественного труда миллионных масс !).

Сокращенная классификация йехуистов, приведенная мною ранее – идет от Томаса Гоббса и тех великих Просветителей, которых он вызвал к жизни и которые совокупными усилиями определили суть йехуизма как системы. Несколько сложнее дело обстоит с эквитистами, о которых Гоббс остерегался говорить даже иносказательно, хотя полностью скрыть свои этические симпатии и политические предпочтения он не смог. Ибо нет йехуистов – без эквитистов: существование подобной социальной конструкции может возникнуть лишь в больном воображении всевластного владыки («суверена» по терминологии Томаса Гоббса), действия которого в этом направлении в прошлом всегда приводили лишь к его фатальному исчезновению с лица Земли.

Перечитывая «Левиафан», не можешь отделаться от впечатления, что имеешь дело с развернутой шифрограммой, направленной человеком, превыше всего ценившим исторический опыт, прозорливо осмыслившим его тенденции и стремившимся передать его грядущим поколениям. С этой целью он формулирует законы достоверного познания; определяет принципы естественного поведения человека, которое всегда основано на общепринятом всеми народами принципе: не делать другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе; выводит из всемирного опыта закон всеобщего и неоспоримого равенства всех представителей рода человеческого и аномальность любых привилегий. А далее, в соответствии с научной традицией Гоббс объясняет и происхождение государства, и его основные формы, преодолевая аристотелевскую их классификацию, оставляя для анализа лишь монархию, демократию и аристократию. То, что он объясняет первопричину возникновения государства войной всех против всех, едва ли правомерно объяснять незнанием Гоббсом существования исторических и этнических общностей, далеких от подобной взаимной ненависти или предосторожности в условиях нормального развития человеческого самоуправления. Скорее всего, это необычайно тонкий ход мыслителя, для которого наиболее важное и сокровенное лежит в иной плоскости.

Вчитываясь в текст книги Томаса Гоббса, невольно осознаешь точное, основательное разделение им таких понятий как власть и управление. Он, разумеется, не мог откровенно и открыто покушаться на власть суверена – отсюда все необходимые оговорки и отступления. Но вместе с тем Томас Гоббс дает цельную и взаимосвязанную систему характеристик власти, что остается только поражаться его мужеству, которого не хватает большинству мыслящих людей и в наше, «цивилизованное время». Не развивая свою гипотезу, приведу лишь отдельные высказывания автора «Левиафана».

Так, стала почти афористичной его следующая мысль: «Я не сомневаюсь, что если бы истина, что *три угла треугольника равны двум углам квадрата*, противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии». Не менее показательно и другое его высказывание, которое оказывается вне поля зрения профессиональных историков философии: «Хотя никогда и не было такого времени, когда бы частные лица находились в состоянии войны между собой, короли и лица, облеченные верховной властью, вследствие своей независимости всегда

находятся в состоянии непрерывной зависти и в состоянии и положении гладиаторов, направляющих оружие друг на друга и зорко следящих друг за другом. Они имеют форты, гарнизоны и пушки на границах своих королевств и постоянных шпионов у своих соседей, что является состоянием войны». Кстати, он справедливо замечает, что власть всегда опирается на некоторые особенности, присущие многим представителям человеческого рода в силу его изначального несовершенства, на тех, кто преследует цели богатства, власти или чувственных наслаждений, а к ним принадлежит большая часть человечества. Так он невольно подводит читателя к анализу той категории, которую я во второй части книги назвал *Yiehu-aurea mediocritas* или сплоченной посредственностью.

Никто и никогда в истории до Томаса Гоббса не давал столь подробной классификации йехуистов, являющихся всегда и повсеместно опорой власти и всегда смертельно ненавидящих эквитизм в любых его проявлениях. Но вот что прелюбопытно: даже столь подробная, детализированная классификация йехуистов и попытка их систематизации на основе «верности суверену» кажется нам, людям информационной цивилизации чуть ли не вполне добропорядочной и в чем-то оправданной. Стоит лишь взглянуть на динамику йехуизации в современном мире, на фантастическое возрастание и количества, и могущества лишних винтиков в человеческой организации, полностью исключенных из общественно-полезного труда и социальной деятельности управления, на их срастание в зловещую и прекрасно организованную бестиариями паразитическую систему, чтобы понять, насколько в XXI веке мы продвинулись по пути социальной деградации. Но об этом разговор – впереди.

Сейчас подумаем вместе: мог ли Томас Гоббс вообще обойти, проигнорировать эквитистов и их значение в борьбе за общество, базирующееся на свободе и самоуправлении всесторонне развитых индивидов. Иными словами, все то, о чем думали мыслители - гуманисты, что делали предметом своих образных прозрений великие художники, во что верили творцы великих и малых вероучений, которые не запятали себя развратом, корыстолюбием и фиглярничеством перед государями, которые всегда были нравственной антитезой распущенному духовенству, Конечно же – нет, и вся его книга пронизана преклонением перед подобного рода людьми, которые нередко называются им без обиняков, другие же – вполне зашифровано, во избежание клерикально-роялистской расправы.

Разумеется, можно было бы постараться более подробно обосновать мысль об исторической ограниченности понимания Томасом Гоббсом взаимоотношений йехуизма и эквитизма как крайностей суперсистемы, но это было бы весьма некорректно по отношению к Пророку Нового времени. Просто за нами теперь – интеллектуальный, эмоциональный и духовный опыт столетий, и прежде всего – новая логика мышления людей информационной цивилизации. Поэтому, полностью опираясь на классификацию и систематику Гоббса, я попытаюсь решить неизмеримо более локальную творческую задачу – перевести свои раздумья о человеке как ошибке природы, лишь потенциально являющимся венцом творения, в русло биполярного образного, ассоциативного мышления. Здесь нет нужды в персональной конкретике, которой я сознательно избегал – читатели первых двух частей моей книги без особого труда угадывали за общим

- частное, за вымышленным образом – конкретного йехуиста - мерзопакостника, наперсника социального разврата и разложения.

Фатальное общение или суперсистема

При обобщенной характеристике йехуистов и эквитистов разных эпох и этносов, преодолевающей их необозримые индивидуальные различия возможны самые разные, одинаково привлекательные для публициста пути перехода от классификации к систематизации. Так, выделив предельно абстрагированные от многоцветия реальности универсальные типы йехуистов (что я и попытался сделать во второй части книги), вполне допустимо и, наверное, небезынтересно рассмотреть их как особую, относительно стабильную систему, **построенную на жестких законах субординации**. Кстати, на законах куда более жестких и бескомпромиссных, чем церковные догмы. Подчеркиваю – именно на субординации, а не на координации, что опять – таки блистательно показал Томас Гоббс, высветив прожектором сатиры все хитроумные нити той паутины, которая всегда объединяет йехуистов в единое целое, фактически и представляющих собой загадочного монстра, именуемого государством. В любую эпоху, всегда и повсеместно, безотносительно к уровню социальной продвинутости или мере того, что мы называем цивилизацией.

Отмечу, что пиками цивилизации в их исторических колебаниях в прошлом всегда оказывались те периоды, когда бестиарии, стремившиеся увековечить свое господство как Божественное установление, добивались предельной концентрации всех подсобных йехуистов в рамках гигантских человеческих поселений. Так, в Египте, по утверждению Альберто Карло Карпичечи, в городах, становившихся столицами царств, комплекс дворца фараона практически совпадал непосредственно с самим городом, с большим скоплением храмов, правительственных учреждений и придворных резиденций. В них почти не оставалось места для свободной хозяйственной и коммерческой деятельности, т.к. гигантский городской организм был предназначен исключительно для обслуживания правительства и божественной персоны фараона. По иной схеме, но на основе того же принципа преклонения перед бестиариями строился и Великий Рим, и Александрия, и погребенные фантастические города майя и ацтеков. Так был задуман и Санкт – Петербург, такими исторически оформились и многие столицы Европы. Не надо быть пророком, чтобы предугадать их всеобщий крах благодаря той неизбежной логике разложения, давным – давно открытой эквитистами.

Йеху–бестиарий на протяжении всей человеческой истории стремится утвердить доминирующее положение над людской массой на основе выработанных им же законов. Раз установившиеся с появлением власти и государства как ее органа законы доминирования разнятся лишь по форме, но не по сути. Порою они носят откровенно каннибальский характер, и нам остается поражаться с наивностью подростков тому, что это вообще могло когда-либо быть в реальности. Но если бы все забытые и запоротые властителями мира жертвы, все миллиарды, убиенные ими в непрекращающихся истребительных войнах за власть и за ее иллюзорные символы восстали бы из гроба и возопили, то Земля наверняка сошла бы со своей орбиты. Увы, мало чем разнятся от них

современные «просвещенные», «либеральные» правители, не только уповающие на государственную машину как на единственную панацею, но и во сто крат умножающие ее мощь на основе достижений технической и информационных цивилизаций. Перед будущим и им придется держать ответ, полагаю – более суровый, ибо по количеству кровавых преступлений, по масштабам разорения многих народов, по интенсивности разрушения их среды обитания во имя безудержной, алогичной наживы их нынешние деяния ни с чем не сравнимы.

По персту указующему йеху-бестиариев в стройные ряды бессловесных исполнителей сразу и всегда выстраиваются йехуисты всех ранжиров, от ренегатов до демагогов, от невежд до фигляров. Тысячелетний опыт выживания и социальной дрессировки научил их не только угадывать самые сокровенные пожелания бестиариев, но и будировать эти желания, отливать их в «законотворческие» формы, в моральные нормы, в стиль поведения. Этот же опыт отработал их главное психологическое достижение – **умение жить по законам стаи**, переплетаться в йехуистскую систему, перед которой отдельный, честный и наивный человек чувствует свое полное бессилие, переходящее в социальное отчаяние. Прodelайте несколько рискованный и для вашего благополучия и в итоге – для вашей жизни социальный эксперимент, выдвинув в любой форме – устной или письменной идею титанов Просвещения о самоуправлении как разумной альтернативе нынешнему государственному тоталитаризму. Уверен, что очень скоро вам придется раскаяться в содеянном, ибо йехуистская стая продемонстрирует вам силу своего единения в самых неожиданных для вас формах.

Пора признать, что йехуизм как одно из проявлений ошибочности человеческой природы перестал быть чем-то локальным, достойным внимания только великих писателей-бытописателей или сатириков, поборников веры, стремящихся вернуть заблудшее человечество на путь истины или мыслителей, изучающих тупики социального движения. Ныне он выплеснулся за традиционные и вполне наивные представления о социальном зле; он – не только предмет успокаивающей совесть смелой критики человеческой убогости и мещанства. **Йехуизм сегодня – могучая и всеохватывающая глобальная система**. Она функционирует по незыблемым законам системы, нарушать которые никому не дозволено. В нее рекрутируются все новые и новые миллионы людей, существование которых лишено какого бы то ни было рационального смысла и поддерживается, подпитывается бестиариями. В нее как в морской водоворот втягиваются и те слои тружеников, которых смяла духовная культура йехуизма, превращая их в подобие бездумных жвачных. Только в экстремальных ситуациях (массовая безработица, абсолютное и относительное обнищание, трудовые конфликты) в сознании этих слоев начинают сверкать искры прошлых великих социальных потрясений. Но бестиарии обладают ныне таким материальным и идеологическим аппаратом «тушения», подавления этих искр, который срабатывает эффективно и молниеносно.

Эквитисты же при любом масштабе таланта и общественной значимости не могут вырваться из паутины йехуистской системы, хотя это всегда является их доминирующей задачей. Они связаны с ней фатально как реальная антитеза и в

этом качестве наиболее доступны научному, образному, духовно-ценностному анализу. Но лишь в качестве уникальных проявлений могущества животворящего человеческого духа, как частные доказательства неведомого закона бытия. Создание системы – не их историческое призвание, хотя именно попытки, предпринимавшиеся мужественными эквитистами, всегда приводили их к трагическому и на первый взгляд абсолютно алогичному поражению. Неизбежно ли оно и в будущем – вот в чем коренной вопрос бытия человечества, перспектив его выживания. Предваряя ответ на него, следует из будущего вернуться в прошлое и еще раз погрузиться в нынешнюю весьма мрачную, почти бесперспективную реальность, которая прежде всего и побуждает меня говорить о человеке как ошибке природы, о существе, допускающем всеобщее распространение йехуизма.

Эквитисты в прошлом и настоящем – прекрасные падающие звезды, определение (то есть классификация и систематизация) которых неизбежно отстает от непрерывно изменяющейся как Протей социальной действительности. А потому – практически невозможно, и нам остается только по совету древнего мудреца перстом указывать на все новые варианты уникальных проявлений Полярного сияния духа. Или же - учтя взаимосвязь эквитистов с миром йехуизма, к которому они прикованы, словно Прометей к скале, невидимыми цепями системы, бесстрастно констатировать их существование, одно только и вселяющее веру в человечество, в его будущее, в рамках суперсистемы. Суперсистемы биполярной, но предельно динамичной, где не власть йехуизма, но мудрость, красота и вера эквитистов оказывается реальным побудителем прогресса человечества. И которая вместе с тем немыслима без йехуизма как реальности, как определенного типа бытия человека, с которым следует считаться. Характеристика подобной суперсистемы требует не формальной, но диалектической логики, объясняющей единое и целостное в процессе разрешения противоречащих определений. Именно она раскрывает взаимоопределяемость существований. Избрав подобную исходную теоретическую позицию, мы сразу же получаем могучих союзников в лице выдающихся представителей искусства, науки и веры, тысячелетиями анализировавших своими специфическими средствами достижения истины суперсистему «йехуизм – эквитизм».

Логическая задача тем самым необычайно облегчается и сводится к переводу этих достижений на избранную мною стилистику изложения проблемы. Мое здесь, пожалуй, только своеобразная стилистика, так что напрасно некоторые нервные дамы упрекают меня в презрении к человечеству и даже... к женскому полу. Жаль, что их опять-таки йехуистская природа закрыла от их нежного и ранимого взора великие творения человеческого гения, в которых характеристика ошибочной природы человека дается в куда более «крутых», как принято говорить ныне, выражениях, образах, пророчествах. Да и к голосу великих пророков они не желают прислушиваться, избегая классических текстов Великих Книг человечества, которые бескомпромиссно вскрывают присущие ему язвы и призывают к иной, более совершенной реальности человеческого бытия.

Прежде всего, для корректности и доказательности исследования столь многопланового материала как йехуизм следует изначально попытаться определить отношение *yiehu–bestia* или бестиариев ко всем иным

представителям ошибочной человеческой породы. Его можно охарактеризовать как полное барское презрение к мелким типам йехуистов – прислужников. А наряду с ним – традиционное презрение, скрытое под флером самых разных демагогических утверждений и красивых фраз, и к самым ярким эквитистам, с авторитетом которых они как правители не могут не считаться. Поэтому их идеал взаимоотношений, связей в пределах суперсистемы – **феномен пауков в банке**. Этот феномен известен любому подростку, некогда не без любопытства и определенной доли биологического садизма наблюдавшему, как разные пауки, собранные им в один стеклянный сосуд, после встряски набрасываются не на руки мучителя (они для них – недоступны), но друг на друга, пожирая и уничтожая себе подобных. Это – нечто более коварное и изощренное, чем тот знаменитый тезис римлян – *divide et impera*, о котором я говорил ранее.

Йехуисты, более мелкотравчатые, в рабском усердии бросаются в подобную бойню на потеху хозяевам жизни. Не случайно в критических социальных ситуациях (а они неизбежно поджидают всех нас без исключения на торных тропах многотрудного бытия) именно из них рекрутируются доносчики, предатели, осведомители, клеветники и палачи. Нет нужды искать художественно – образный эквивалент данного всемирного и предельно подлого проявления человеческой породы, причем – проявления массового. Стоит вспомнить хотя бы бессмертное произведение М.Ю. Лермонтова «На смерть поэта», которого по странному стечению обстоятельств нет в списке обязательной, соответствующей «государственному стандарту» русской поэзии. Не грех в этой же связи восстановить в памяти и все страдания истинных вероучителей и мучеников за веру, которые шли на Голгофу, на костер, в бездонную каменную пропасть, в пасть диких зверей под улюлюканье серой услужливой бездарности, готовой служить и Богу, и Дьяволу одновременно. Шли по взаимным доносам всевозможных по классификации йехуистов, образующих сплоченную *Yiehu-aurea mediocritas* или сплоченную посредственность. Мораль этой посредственности – и здесь абсолютно прав Ф.Ницше – всего лишь стадный инстинкт. Ее анатомию с предельной достоверностью дала и наука. Думаю, что нашим потомкам в этой связи следует восстановить ту культуру историко-философского мышления, которая всегда была характерна для России.

Культуру, которая основывается на духовном мужестве эквитистов, никогда не попадавших под растленное влияние феномена пауков в банке. Странные они существа – не хотят да и только грызть себе подобных, вступать в локальную либо мировую свару. Попав по неизбежности в роковую стеклянную банку судьбы, они не меняют сути своей, остаются верными раз и навсегда избранным гуманистическим ценностным ориентирам, предпочитая смерть – духовному озверению, которое так желаемо всеми бестиариями. Иуда – вот тот тип бытия, который вроде бы и проклинается «верующими» бестиариями, но в то же время тысячелетиями культивируется как символ верноподанической ориентации раба и холуя. Но в противовес ему сколько же святых и мучеников приняло смерть за истину веры, не страшась ни чудовищных пыток, ни мучительной смерти.

С какой стороны не подходи к проблеме естественных и фатально-неизбежных связей йехуистов и эквитистов как узлов суперсистемы, данный феномен (именуемый мною «пауки в банке») не конструктивен и не имеет операционного значения для ее современного анализа. Он выражает более локальный

логический смысл, необходимый для характеристики современной системы йехуизма, зловещий пафос которой становится все более очевидным и мимо которого не может пройти ни один честный ученый, художник, вероучитель. Если вы хотите понять трусливость и безропотность многомиллионного чиновничества во всех уголках планеты, легионов воинства Левиафана, то вы должны учесть этот феномен, понять и, быть может, простить его представителей как людей с проломанной психикой. Изменяются социальные установки и государственный заказ – немедленно преобразуются и его представители, более того – сразу же зашагают впереди прогресса. По первому же указанию, да что там – намеку бестиариев они не только заменят традиционные портреты скоропреходящих владык над своими конторками и столами, но и сразу же преобразуют и свою лексику, и строй мышления, и стиль поведения. Ибо их главное качество – двоемыслие, о котором Джордж Оруэлл в гениальной утопии «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» сказал, что оно означает способность одновременно держать в голове два противоречащих одно другому убеждения и соглашаться с обоими. Как говорится, на всякий случай...

Если же подойти к проблеме не с позиций бестиариев и фантастически нарастающего их глобального господства, но с точки зрения простого здравого смысла, который ведом любой народной притчей и сказке, а не только великим творениям гигантов человеческого духа, то образная картина реального и вечного жизненного противоборства людского предстанет в совершенно иных парных категориях. Точнее – в категориях дихотомической логики. Они-то и позволяют дать если не развернутое исследование суперсистемы «йехуизм – эквитизм», то, по крайней мере, достоверное представление об ее перспективах в эпоху информационной цивилизации, о направленности ее динамического вектора.

Первая парная категория, реально символизирующая отношение узлов в суперструктуре, именуется мною **серая стая и белый волк**. Кто ныне не знает о новых открытиях биологами тайн социальной организации животных, в том числе и таких беспощадно истребляемых высокоразвитых и прекрасных существ, как волки. Им введена и социальная иерархия в стае, и разделение деятельностных функций при охоте, при кормлении и воспитании потомства, в случае общей беды и даже поражающая наше воображение отзывчивость к трагедии других, в том числе и приبلудных одиноких особей. Обо всем этом нам поведала и мировая художественная культура: вспомните хотя бы о Капитолийской волчице и судьбе Ромула и Рема, о повести Джека Лондона «Белый клык», о поразительной по страсти и человеческой боли песне Владимира Высоцкого об охоте на волков. Да и культовые представления многих народов связаны с мифологизацией образа волчьей стаи и ее мудрости.

Но кто также не знает, что серая стая не принимает белого волка, выбивающегося из понятной обыденной для нее нормы, изгоняет его либо истребляет. Именно так всегда выстраиваются связи, отношения, переплетения паутины в суперсистеме «йехуизм – эквитизм». Сама неизбежность существования эквитистов как назойливой и будоражащей необычностью обыденное сознание сплоченной посредственности реальности рождает ее неистребимую, неизменную ненависть к любым проявлениям эквитизма. Отсюда – целый спектр поведенческих реакций йехуистов, направленных на унижение, а в

идеале, в мыслимой и ныне вполне откровенно планируемой бестиариями перспективе, физического уничтожения всех эквитистов. Сегодня это – сокровенная мечта всевластных бестиариев, которых пугают нарастающие движения протеста миллионных масс во главе с бесстрашными эквитистами, завтра – вполне реальный массовый террор для всех, кто осмелится пойти за ними, террор, адрес которого вполне очевиден. Кстати, именно «цивилизованные» бестиарии на рубеже девятнадцатого и двадцатых веков изобрели впервые концлагери (английские колонизаторы – для свободолюбивых буров) и все аналогичные средства тотального устрашения, которые фашисты лишь довели до идеального совершенства. Сегодня новые, в том числе и информационные средства тотального устрашения и оболванивания масс точно и сконцентрировано ориентированы на эквитизме во всех его проявлениях. Над эквитистами как носителями бессмертного человеческого духовного сопротивления йехуизму уже занесен топор. Не обольщайтесь – главный удар бестиариев направлен ныне отнюдь не по тем или иным режимам, государственным структурам (хотя эффективность и звериную беспощадность их действий мы все видели в последние десятилетия и в этом отношении!), но по эквитизму как способу бытия, отрицающему их вселенское торжество.

Всегда невольно в этой связи вспоминаю рассказ о детских впечатлениях одной из моих аспиранток из Елабуги. Ей запомнилось не то, как травили Марину Цветаеву властные писатели, отказывавшие ей в элементарной бытовой помощи, а то, с каким наслаждением обыватели полуразвалившегося, старого дома регулярно на всеобщее обозрение вывешивали огромный и тщательно прописанный плакат о днях дежурства поэтессы... в общественном нужнике. От тюрьмы и военной казармы до запутанных как дурной ребус коридоров власти – везде нет большего наслаждения для йехуистов, чем опустить эквитиста если не до себя, то хотя бы до уровня своего понимания.

Так поступали йехуисты всегда и везде, и причем – безотносительно к их месту в социальной иерархии. Разве тупая, озверевшая толпа не заставила Сократа – учителя учителей и воспитателя многих из ее представителей выпить цикуту по абсолютно нелепому обвинению в безбожии? Разве не пришлось величайшему из великих мыслителей – Аристотелю в панике бежать от неминуемой беспощадной расправы его ученика – Александра Македонского? Быть может, мы уже забыли, как писателя и гуманиста, педагога и вероучителя XIX века, равного которому новое время не дало – Льва Николаевича Толстого отлучили от церкви под улюлюканье царедворцев и интеллигентного быдла (что, кстати, не знает ныне ни один русский старшеклассник)? И не на наших ли глазах (говорю о своем поколении) травили и травят гениального поэта нового времени, открывшего миру неведомые ранее поэтические дали – Владимира Маяковского? Подобный феномен белого волка характерен и для трагических судеб ученых, открывающих неведомые горизонты истины для блага человечества, и для торного пути всех мудрых вероучителей либо их истинных последователей, осмеливающихся оспаривать те или иные вариации религиозных догм, утвержденных церковью.

Убежден - невозможно найти хотя бы одного подлинного эквитиста, прокладывающего новые пути человеческого духа, который не был бы распят серой стаей йехуистов. Посредственных, но необычайно сплоченных и умеющих

манипулировать самыми разными рычагами власти, явными и тайными. Нет, белому волку среди них не жить, и о нем вспоминают лишь тогда, когда распнут его, обездолят, унижат до предела, выльют на него помой липкой грязи. А после смерти – постараются приспособить к уровню своих убогих потребностей, опять-таки не гнушаясь клеветы и исторических деформаций. Не верите? Почитайте без предубеждений русскую периодику за последние десять-двенадцать лет и вы в разных разделах скандальной хроники либо псевдоисторических изысканий найдете столько пошлости и гнусностей об истинных эквитистах России, о классиках ее науки, искусства, веры, которыми гордится человечество, сколько, пожалуй, не знала вся история мировой журналистики в прошлом. Причем гнусностей не только бытовых, затрагивающих интимные стороны жизни человека, но и политических, подобных доносу на прошлое.

Скажу без обиняков – подобная ситуация характерна не только для судеб титанов эквитизма, но и для бытия просто талантливых и порядочных людей (то есть опять-таки эквитистов или, точнее, их безграничного человеческого резерва) в сплоченном коллективе йехуистов. Мне не дано забыть, как проходили собрания философов в конце сороковых годов прошлого века по итогам знаменитой философской дискуссии, на которых подлинные ученые должны были выслушивать оскорбления со стороны бездарных словоблудов (по моей классификационной номенклатуре – *yiehu-ignorantia*, или невежд) и каяться во всех смертных грехах. Кстати, чего они как высокообразованные люди, такие как Бонифатий Михайлович Кедров или Сергей Леонидович Рубинштейн сумели избежать, запутав йехуистов в тенета совершенно неведомых им, недоступных их убогому интеллекту абстрактных понятий и категорий.

Мне не забыть нервную дрожь Сергея Эйзенштейна и посиневшее от внутреннего напряжения суровое лицо мудрого Сергея Юткевича, классиков кинематографа новой, социалистической эпохи, получившего мировое признание, в те минуты, когда взвинченная до предела толпа бездарных йехуистов, греющихся у теплого тела искусства, бросала им в лицо обвинения в космополитизме, антипатриотизме и в других преступных, с позиций правящих бестиариев, грехах.

Кстати, когда некоторые из этих всемирно-известных кинорежиссеров в перерыве, после основного погромного доклада очередного уже забытого ныне партийного идеолога склонны были, как им казалось, в интересах общецехового дела в чем – то «признаться», на моих глазах прекрасный представитель русской интеллигенции, вскоре ставший моим настоящим старшим другом, более того – доверивший мне впоследствии роль его душеприказчика по завещанию – Иван Пырьев отчитал их за возможное малодушие, выражаясь без обиняков, вполне фольклорно. Думается, отбив раз и навсегда у них лукавую мысль в чем-то «каяться».

Единственное, что вызывает и чувство озлобления, и фатального бессилия – это представление о том, что мог бы еще сделать, создать как творец в области духа тот или иной эквитист в иной, идеальной по структуре системе. Так, вспоминаю встречу с человеком поразительной красоты и восточной тихой мудрости, каким был Арам Хачатурян, в доме моего действительно бесценного старшего друга Ваню Мурадели. Не было сказано ни слова о политике, о погроме оперы Ваню Мурадели «Великая дружба», либретто которой было написано

моим мастером по Институту кинематографии – Георгием Мдивани. Долго молчавший в затемненном уютном уголке Арам Хачатурян неожиданно, вне контекста беседы, произнес: «Как все-таки жаль, что никто и никогда не услышит моего концерта для барабана с оркестром!». Словно какой – то потусторонний призрак затмил наше сознание, поверг его и в уныние, и в тоску, и в щемящее чувство индивидуального бессилия перед роком. Но не будем печалиться – нет сегодня ни одного концерта, в том числе и для «элиты» - йехуистов, монополизировавших ныне право на все действительно художественно – прекрасное, в котором не звучала бы музыка Арама Хачатуряна или же не отражалось многоцветие созданных им традиций

Наивный и прекраснодушный человек, склонный относить дьяволиаду йехуизма только к прошлым, «темным» временам, старается не замечать травли «белых волков» серой стаей и в наше, просвещенное время. Жаль, что не могу всех ознакомить с фонограммой записи того воя, граничившего с хулиганством, который был характерен для всего 5 Съезда Союза кинематографистов, того улюлюканья, с которыми обрушились совсем недавно на титанов русского кинематографа, таких как Сергей Бондарчук или Григорий Чухрай мелкотравчатые йехуисты, о которых уже через несколько лет никто не вспоминает. Жаль, что объем и жанр моей книги не позволяет мне подробно рассказать о целой эпопее изничтожения пигмеями титанов великого социалистического искусства, о котором теперь знают лишь профессионалы да наши многочисленные друзья за рубежом. Эти пигмеи – действительно *servum pecus imitatorum*, раболепное стадо подражателей, которое в эпоху будущего торжества эквитизма навсегда канет в Лету. Да, пожалуй, уже сегодня незаметно исчезает из мудрой Коллективной памяти, именуемой Культурой.

Так уж определила судьба, что большая часть моего жизненного пути проходила и проходит в тесном контакте с первопроходцами в области педагогики, с теми, кто отдает себя целиком, без остатка подлинной модернизации российского образования. Это относится и к периоду детства, когда в нашем доме бывали и А.В. Луначарский, и А.С. Макаренко, и В.Н. Шацкая, и Аркадий Гайдар. Почти шестьдесят последних лет профессиональные интересы связывают меня с их наследниками, учениками, рыцарями педагогики, о чем я написал в книге «Подвижники духа». Но ни один, повторяю – ни один из подобных, образно говоря – современных эквитистов не мог и не может работать спокойно и радостно, принужденный отбиваться и от коллег – тусклых завистников, и от фантастического по масштабам легиона «проверяющих», «лицензирующих», «аттестующих». А теперь на них набросятся еще и «стандартологи» вкупе со специалистами по «православной нравственности» благодаря неутомимым реформаторским усилиям чиновников – просвещенцев. Полагаю, что каждый на основе индивидуального опыта и в меру личной гражданской честности легко умножит подобные примеры, вновь и вновь подтверждающие силу стаи серых волков. Всмотритесь беспристрастно, без юношеских иллюзий в тот «коллектив», в котором вы вынуждены работать и вы согласитесь, что его зачастую сотрясают те же подковерные страсти, которые характерны для бытия эквитистов в йехуистском социуме. Улыбчивые, они так порою поносят друг друга в удобной обстановке, что внецензурная лексика дикой толпы представляется весьма добропорядочной. Сила стаи серых волков –

страшная сила, ибо в конечном счете у них в руках, как правило, все реальные рычаги власти и государственной системы. Иными словами все те властные и государственные полномочия, которые делегированы им йеху-бестиариями.

Но вот тайна тайн, почти мистика – белых волков истребляют серые стаи, а их поголовье отнюдь не уменьшается. Напротив, если еще не настало время количественного взрыва их популяции, то страх стаи перед ними возрастает в геометрической прогрессии, несмотря на мощь объединенной воедино господствующей агрессивности всесильной стаи. Еще бы – логика история поставила ныне миллиарды (подчеркиваю – миллиарды !) людей, озадаченных историческими парадоксами информационной цивилизации, перед выбором между рабством у йехуистов всех мастей и свободой в условиях самоуправления, о которой все громче и отважнее говорят эквитисты. «Долг гения, - писал Луи Арагон,- снабжать кретинов идеями через двадцать лет после своей смерти». Не ведая молчания под угрозой гибели, эквитисты всегда честно, до конца выполняют этот долг.

Взаимосвязь узлов в паутине суперсистемы «йехуизм – эквитизм» может быть рассмотрена и в другом ракурсе, с позиций знаменитой сказки В. Гаршина о **жабе и розе**. Нет, это не психологический ракурс, не новая вариация на старую тему о зависти бездари – к таланту, о Моцарте и Сальери, об уродстве духа, для которого нетерпимо существование альтернативы прекрасного и даже не повторение аксиомы о сложности отношений сложных, великих людей, которых порою невозможно судить общими, удобными штампами. Этот ракурс – вне моего теоретического интереса. Он глубоко исследован в мировой духовной культуре, во всех ее трех взаимосвязанных ипостасях – науке, искусстве, вере предельно точно и неоспоримо по доказательности, по достоверности истины.

Что делать – слаб человек, и порою даже такое заурядное, примитивное чувство как зависть и его бескрайние, неуловимые, непередаваемые словами градации может развести и друзей, и ярких людей, навсегда запечатлевших свои имена в истории Родины, этноса, цивилизации. Сколько не размышлял, какие бы литературоведческие изыскания не штудировал – до сих пор не могу взять в толк отчужденность Тургенева и Достоевского, яростную нелюбовь Льва Толстого к Шекспиру. Иного, кроме психологического, объяснения здесь не найти. Да что там Толстой и Шекспир – порою новые, неведомые нам ранее публикации в буквальном смысле слова ошарашивают фактами сложных отношений, которые складываются между людьми исторического масштаба. Фактами, которые следовало бы предать забвению, ибо они отнюдь не выражают смысл бытия этих людей, если бы не подозрительный и корыстный интерес к ним йехуистов, который следует предупреждать спокойным противодействием истины, не всегда – простой и плоской. Кстати, все йехуисты высшее наслаждение видят в поклепе либо в клевете на великого человека. Прав был Эдгар По, утверждавший, что самый легкий способ для ничтожного человека стать великим – это облить грязью великого человека. Нам всем надо учиться у великих эквитистов широте их взглядов на жизнь, мудрости в суждениях о других, я бы сказал – даже осторожности и деликатности в этом отношении.

Расскажу лишь о содержании одной из типичных последних публикаций, ошеломившей меня бесконечно и надолго, ибо речь идет о взаимоотношении гениальных полководцев XX века, подлинных героев Великой Отечественной

войны, заслуживших признание всего человечества – генералах В. И. Чуйкове и А. И. Родимцеве. Василий Иванович Чуйков – командующей моей легендарной 62-8 Гвардейской Сталинградской армии, прошедшей победоносно от Сталинграда до Берлина. Генерал Александр Ильич Родимцев – один из тех рыцарей гуманизма, которые поразили своим мужеством мир в первой же схватке на полях республиканской Испании, дивизия которого сумела переправиться через Волгу в те сентябрьские дни 1942 года, когда общая катастрофа казалась уже неизбежной, и отбросила немцев от берега Волги, а затем вела изнурительные победоносные бои на Мамаевом кургане. Не мне судить о достоверности этой публикации, но, как говорится, не бывает дыма без огня. В Центральном архиве ФСБ РФ хранится документ «Из сообщения 2-го отдела 3-го УНКВД СССР в УОО НКВД СССР об отрицательных явлениях в частях Донского фронта 5 марта 1943 года». Неведомый «источник» докладывал: «...Некрасиво выглядит поведение ВС 62 по отношению к Герою Советского Союза генералу **Родимцеву**, командиру 13 гвардейской дивизии. В свое время (осень 1942 года) цензура разрешила писать о Родимцеве, т.к. он широко известен за границей. Материалы о Сталинграде шли, главным образом, из дивизии Родимцева, сыгравшей большую роль в спасении Сталинграда. Генерал-лейтенанты Чуйков и Гуров обиделись на это, Гуров прямо говорил источнику – « всю славу Сталинграда отдали Родимцеву». Вокруг Родимцева создали нездоровую атмосферу, пошли даже разговоры явно недостойные – «Родимцев – генерал для газет, он ничего не сделал» и т. д.

ВС 62 представил Родимцева к ордену Суворова, а потом прислал в штаб ДФ телеграмму с отменой представления. Родимцев – почти единственный командир соединения, не награжденный за Сталинград...

Писатель **К. Симонов**, бывший недавно у командующего 64 армией генерал-лейтенанта **Шумилова**, рассказывает:

«Шумилов просто не может слышать имени Родимцева. Дело объясняется просто – генерал-лейтенант Чуйков, друг Шумилова, всеми силами старается зажать Родимцева, ревнуя его к его славе».

Кинооператор **Р. Кармен** говорит: *«С Родимцевым делают странные вещи. Его всячески хотят принизить, хотя он, как герой, выходит за рамки обычного командира дивизии».* ЦА ФСБ РФ, ф.14, оп.4, д.777, л.15 – 106.

Можно было бы в мещанском ажиотаже поиграть на этом материале, порассуждать о вечных нравственных ценностях, о слабостях великих полководцев, не учитывая ни времени действия, ни суровые характеры действующих лиц исторической трагедии. Но в любой драме важен финал, итог, важна развязка сюжета. Существенно и то, какова была позиция «источника» и чем (или кем) она определялась тогда, когда он писал свой безусловно интересный документ. Это, наверное, нам не суждено узнать. А если узнаем, то новые сведения ничего не добавят к исторической правде о русских полководцах. Но вот передо мною - уникальная книга Василия Ивановича Чуйкова «Сражение века», лично подаренная им Александру Ильичу Родимцеву. На развороте – слова маршала В. И. Чуйкова, записанные им 12 февраля 1975 года:

**«Сталинградцу Александру Ильичу Родимцеву –
Если бы не 13-я Гвардейская, то трудно сказать, что было бы в середине
сентября 1942 года.**

С боевым приветом.

В. Чуйков ».

Жаба и роза – не психологический, а информационный символ неразрывности отношений йехуизма и эквитизма на современном этапе развития человеческого духа, на этапе, который нам не дано перескочить. Жаба как символический образ бытия в этой взаимосвязи прижата к земле своим безобразием, ей не дано воспарить в высшие сферы солнечного озарения, красоты, духовности. Способная двигаться, она лишена свободы и придавлена к почве страхом и ненавистью. В том числе – и страхом перед загадочными шипами розы. Ее мир – тьма, ее путь – робость, ее цель – насыщение, ее бытие – повседневность. Роза, вроде бы прикованная к каменистой почве неподвижными корнями, питается сокровенными соками всевоспроизводящей Матери – Земли и обладает теми шипами, на которые не следует напарываться. Она – отражение и выражение мощи Вседержителя – Солнца. Она – сама жизнь, вдохновительница любви и неукротимого жизнелюбия для каждого, кто способен принять сердцем ее сокровенную прелесть.

Реальность йехуистов, подобно существованию жабы (конечно, как символа и не более того, что безусловно понимает читатель, уже знакомый с моим влюбленным отношением к совершенству любых проявлений животворящей природы, в том числе и в очаровательных жабах), есть духовная тьма, все масштабнее охватывающая бытие человека, превращающая его неизбежно в *Homo vulgaris*. Для тьмы свет всегда есть небытие, отрицание противоположности. Именно поэтому эквитисты, подобно животворящему свету розы, предвещают другого человека, действительно Божественного, *Homo divinas*. Здесь у йехуистов историческая задача куда посложнее, чем травля или изгнание из серой стаи белого волка в назидание другим. Ведь речь идет об образе человека, о том, будет ли он придавлен к земле страхом, нуждой, неистребимой взаимной ненавистью под любым, национальным либо конфессиональным соусом, станет ли он окончательно и бесповоротно, на радость бестиариям, ошибкой природы, убежденным в своей мерзопакостности. Или же он распрямится, преодолет паутину йехуизма, в какой бы исторической форме она не проявлялась, и явит миру действительно прекрасную норму бытия человека, которую он призван нести своими деяниями в мир. А тем самым предопределит самую великую победу духа в истории человечества – уничтожение йехуизма раз и навсегда, во всех его ипостасях.

Грустно, но большинство людей скептически относится к подобной возможности и после потрясений XX века дружно переметнулось, словно стадо, на позицию исторического пессимизма и фатализма. Они в простой, неизощренной форме повторяют мысль древних римлян: «Хорошие люди редки, едва ли их наберется столько же, сколько ворот в Фивах или устьев плодоносного Нила». Они, как правило, оправдывают свое бездействие или социальное равнодушие повторением банальности о всесии современных бестиариев, сосредоточивших в своих руках все богатства планеты и все рычаги власти. Но кто сказал или доказал, что для суперсистемы «йехуизм – эквитизм»

существенны количественные параметры. Ведь ими реальные отношения, связи между узлами системы измерить принципиально невозможно, если оставаться в рамках механистического мышления. Да, тысяча тонн угля содержит потенциальной энергии больше, чем сотня тонн. Но сколь ничтожно малы количественные параметры тех стержней, которые ныне дают фантастическую мощь атомным электростанциям !

Безусловно, йехуисты в условиях существования государственной системы организации общественной жизни жируют без меры и плодятся без числа. Примкнуть к ним, встать под их знамена – выгодно и прибыльно. Вдумайтесь в динамику мирового и российского роста тех, кто практически исключен из творчества в сфере труда и духовной жизни – науки, искусства, истинной веры. Только в нашей разоренной России чиновников с особым статусом государственных служащих (то есть получающих после выхода на пенсию вопреки существующему общему законодательству в размере 80% от последнего должностного оклада) более одного миллиона. А всего чиновников масштабом помельче – до 10 миллионов. Юрких секретарей и секретарш у них – вообще не счесть, и все прекрасно знают по мытарствам в бюрократических коридорах, что имя им – легион ! У нас в России – свыше двух миллионов милиционеров, результативность действий которых вызывает грустные улыбки всего населения. Простой подсчет, далекий от статистических хитросплетений и учета все новых и новых реформаторских нововведений, систематически умножающих центральный аппарат, структуры управления на местах и так называемое самоуправление показывает, что почти исчезающим социальным слоем у нас оказался производительный работник. Полагаю, что всеобщий вопль наших йехуистов об их праве на наслаждение, на земные радости есть не что иное, как сигнал провидимого конца. И если он не наступает в силу необходимой закономерности, то лишь благодаря сплоченным и целенаправленным действиям йехуистов – бестиариев. Отсюда – их вполне понятное стремление выйти за рамки суперсистемы «йехуизм – эквитизм», манипулировать ею на уровне бытовых отношений, неудовлетворенных амбиций, рухнувших социальных притязаний.

Нити этой суперсистемы столь напряжены, что порою позволяют представителям ее крайних узлов вольно или невольно скользить в ту или иную сторону, порою без четкого осознания содеянного. Приведу лишь один факт, обобщенный рассказ о котором позволит каждому из нас лучше и глубже думать. Нет, не о нравственной ответственности, но о характере того способа бытия, который только и позволяет нам так или иначе запечатлеть свою скромную индивидуальность в историческом процессе. О том, как по капле выдавливать из себя йехуиста должны мы все, в ожидании нового Спасителя.

Вспоминаю, как еще в конце шестидесятых годов прошлого века вечером сидел за уютным столиком в непритязательном кафе в Московском Доме кино, существовавшем тогда как интимный и действительно творческий клуб кинематографистов. Рядом, как-то необычно ссутулившись, сидел Маркс Бернес, уставившийся в одну точку. Я что-то попытался спросить у него, как вдруг заметил стоявшего поодаль Николая Крюкова, локоть которого, мужество которого всегда ощущал и тогда, и в будущем в эстетических баталиях, в период всеобщей йехуистской травли моих трудов. Он почти свирепо сунул мне в руки

газету «Правда». На развороте увидел статью о Марке Бернесе, обвинявшем его и в пошлости, и в шепоте вместо пения, и в безвкусице, и даже в отсутствии элементарной музыкальности. Как и зачем он написал подобную статью о любимом актере и певце многих, прежде всего – военных, поколений понять мне не дано до сих пор. Как, наверное, не понял это наш классик, на какое-то мгновение оказавшийся в тенетах йехуизма.

Лев и пень – вот еще одна характеристика суперсистемы, анализируемой мною. Данный образ навеян неопубликованной басней неизвестного автора, написанной в 1953 году:

В лесу
скончался лев.
Завыли в страхе звери:
Не вынесем
такой потери !
Но серый крот сказал достойно:
Друзья, размыслим же
Спокойно !
Затихли все.
Хитрец же предложил:
Пусть будет пень царем !
Он льва не раз носил.
И что ж ? Царем стал пень.
И царствует успешно.
Смешно. Печально. Безутешно.
Мораль сей басни такова -
Едва ли пень – замена льва.

Суперсистема «йехуизм – эквитизм» поражает тем, что лев, символизирующий мощь, независимость, гордость, свободолюбие может выиграть лишь в героическом броске, но не на вечной ярмарке тщеславия, мелочных служебных интриг, прислужничества. Поэтому он абсолютно непригоден на любую роль в извивах государства – Левиафана, что опять-таки подметил Томас Гоббс. Кроме, пожалуй, тех исключительных ситуаций, когда высшие интересы этноса или сложившейся человеческой общности заставляют его пойти на временный и, как правило, всегда трагический для него по итогам компромисс, внимая призывам страждущих. Кстати, подкорковый страх, выработанный историей, заставляет и йехуистов одевать на свое жестокое лицо елейную маску служителей демократии и законопорядка. Между прочим, вполне успешно. Вспомните, как с грустью констатировал великий английский драматург Бен Джонсон – судьба благосклонна к глупцам ! А страх-то нарастает повсеместно, и только лишенный духовной чуткости человек может этого не заметить – хотя бы по лихорадочному поиску «реформ» дающей сбои глобальной системы йехуизма.

Не могу не порекомендовать в этой связи моим читателям вчитаться в замечательный Диалог Александра Блока «О любви, поэзии и государственной службе». В этом Диалоге поэт раскрывает всю подноготную йехуизма, всеилие глупой власти, наивность искренней поэзии и мудрость шутовского развенчания

лжи. Вслушайтесь, что говорит окруженный толпою нищих Придворный как типичный чиновник – словоблуд на все времена: «Я ручаюсь, господа, что все вы, так или иначе, будете удовлетворены. Лозунг правительства свободной страны – начала твердой законности. Начала эти уже сами по себе плодотворны. (Голос его становится проникновенным.) Из них, как из хлебного зерна, вырастет пышная жатва. Основой современного государства служит уже не темный произвол правителей, а зиждительный труд и гуманное отношение между подданными и правительством».

О «гуманном» отношении правительств к подданным я поговорю далее. Пока лишь замечу, что оно в принципе невозможно в условиях власти, а может быть реализовано в массовой практике только в обществе, базирующемся на реальном самоуправлении.

Некоторые авторы склонны объяснять нестабильность положения любого эквитиста, безусловно способного принести обществу ощутимую пользу, простой психологической несовместимостью масштабных личностей (скажем, владыки и его подданного, партийного лидера и любимца партии и т.п.). Говорят обычно, что два медведя не уживутся в одной берлоге. К вящему огорчению рода человеческого причина скрыта гораздо глубже, в самой дихотомии «йехуизм – эквитизм». Йехуисты потому и йехуисты, что они по природе своей, по всему своему бытию идеально подходят на все извивы и чешуи чудовищного Левиафана – Государства. О них прекрасно сказал еще в конце 17 века Сэмюэл Батлер в «Разрозненных мыслях»: «Власть опьяняет, превращая чиновников в подлинных алкоголиков; (Дурман ядовитый их отравляет) Глупость, гордыню, тщеславие питает».

Эквитисты же изначально, по сути своей – оппозиция государству и провозвестники нормального человеческого бытия, основанного на свободе и самоуправлении. Именно поэтому им по неизбежности поют хвалу, но всегда стремятся либо унижить, либо уничтожить.

Простой пример, в котором не следует искать каких бы то ни было аллюзий. Многократно принимал участие в интеллигентских, всегда бесплодных кружковых либо домашних дискуссиях и спорах, талантливые участники которых весьма фривольно, без традиционной оглядки рассказывали о тех или иных полудурках, либо руководящих чем – либо, либо назначаемых на тот или иной престижный или выгодный ответственный пост любого ранга. Они, естественно, могли опираться и на историческую традицию. Вспомним опять – таки высказывания мудрых римлян, например, одного из Цезарей-скептиков: *An neskis, mi fili, quantilla prudentia mundus regatur ?* (Сын мой, разве ты не знаешь, как мало надо ума, чтобы управлять миром ?) Порою трудно было не согласиться с их сетованиями на ошибочность расстановки сил на йехуистской лестнице. Тем более что эта идея в конце концов стала ныне общим местом в публицистике, и даже – в искусстве. Вспомните хотя бы нашу прозу и драматургию пятидесятых – шестидесятых годов прошлого столетия, прекрасно отработавших тему начальственного дурака. Но стоило всерьез предложить кому-либо из думающих, способных, хорошо образованных коллег ту или иную синектуру, как он сразу же либо со страхом, либо с плохо скрываемым презрением отвергал любую допустимость такого предложения. Он словно бы повторял общеизвестное – «Служить бы рад ! Прислуживаться тошно».

Пень всегда готов подставить себя под любой начальственный зад, ибо ему просто не дано творчески действовать, самостоятельно думать, тонко и эмоционально реагировать на все происходящее вокруг, и тем более – искренне верить во что – либо святое. У него нет и не может быть свободы выбора. Именно поэтому он идеальный йехуист безотносительно к историческим одеждам, формам тирании государства, своеобразию этноса. Пень – вот идеал работника в любой сфере, который ныне отшлифовали и санкционировали бестиарии, организуя послушные им армии и парламенты, конторы всех рангов и сообщества всех чинов. Он – обязательный элемент системы йехуизма.

Никто, пожалуй, не высвечивает с такой силой их пенеподобность безотносительно к блеску регалий и чинов, званий и орденов, как телевидение. Не поленитесь – уделите два - три часа непрерывному просмотру хроникального показа всевозможных событий и перипетий на разных служебных этажах. Вы сразу же загрузите, даже не задумавшись о сатирическом значении простой фактографии из жизни йехуистов. Напрасно вы будете рассуждать о поразительной убогости тех, кого беспристрастно и тенденциозно высвечивает телеэкран, либо тех, кого организаторы всевозможных телешоу всерьез представляют как народных трибунов, как политологов-мыслителей, как кумиров толпы, как лидеров всевозможных и вообще невозможных «фондов». Эта убогость не нуждается в комментировании и высвечивается, как Каинова печать йехуизма, как клеймо, которым бестиарии метят дорогое им стадо посредственностей в человеческом облике.

Сколько бы не суетились его представители, сколько бы не демонстрировали свою значимость, даже отплясывая гопак на военном параде перед оркестром в среде «простых людей», даже демонстрируя те или иные проявления былых и общеизвестных увлечений, даже ныряя обнаженными в ледяные пруды, даже одевая чуждую их духу военную форму, которая идет им как корове – седло, они все поражены неподвижностью пней и отмирают подобно им, чуждые динамике неукротимой жизни. Их забывают сразу же, старательно и навсегда. Кстати, отсюда их почти шизофреническое желание быть в толпе, навязчиво напоминать о себе, о своем уже призрачном существовании. Случайная же встреча с эквитистом на том же экране, повсеместно подвластном бестиариям, воспринимается как живительный глоток свежего воздуха, как чистая струя неумирающей надежды на торжество божественного в человеке.

С момента становления и укрепления государства особой заботой йехуистов – бестиариев (yiehu–bestia) является не только отбор «пней» на все этажи властной лестницы (от прямых наследников власти до рядовых холуев, призванных защищать ее безотносительно к подлинным духовным ценностям человечества). Не менее важным системообразующим фактором йехуизма является тщательно продуманная **консолидация пней** в определенную, устойчивую и способную функционировать в любых, в том числе и критических обстоятельствах систему. Широкая эрудиция моего читателя безусловно позволит ему привести великое множество примеров из истории разных цивилизаций, от древнеегипетской до арабской, подтверждающих извечную консолидацию йехуизма в систему. Я же пока обращаю его внимание на еще одну дихотомическую связку – **человек и стул**, имеющую вполне мистический, сакральный характер.

Роясь в архивах, неожиданно нашел еще одну басню, написанную тем же неизвестным и никогда не публиковавшимся баснописцем в 1949 году:

Стул занял кабинет...
Эк, важно дело –
И кабинетам несть числа,
И стульям нет предела.
Но стул особый был.
Входил в номенклатуру!
Его туда впихнул
Чурбан какой-то сдуру.
И начал стул вещать
Не сам – через персону!
Кто сядет на него – по тяжести закону –
Тот и умен.
Тот истину глаголет!
Стул всем нам благоволит,
И блажь вершить дозволит
Но вдруг – конфуз: попал наш стул-
на свалку,
Персона ж – в раздевалку.
Мораль – проста, как солнца свет:
Без стула и персоны нет.

Идея номенклатуры, отработывавшаяся тысячелетиями, отшлифованная и в кастовом строе Египта и Древними ведическими государствами, в Римском праве и упражнениях на юридическую тему Наполеона, в доведенном до блеска кодексе службы фашистского рейха, раздваивает человека, делает его духовные качества если не безразличными, то нейтральными для «дела». Ведь он может быть вполне гуманным человеком, добрым семьянином и чадолюбивым отцом, но на стуле начинает вещать нечто диаметрально противоположное, порою – просто чудовищное. Понимая, что любой мой читатель сразу назовет тьму примеров подобного рода – и из личной жизни, и из усвоенного в мировой духовной культуре, избегну этого наиболее привлекательного, но облегченного хода. Приведу опять – таки один сугубо личный и столь же социально – типичный пример.

Как директор крупного издательства, я в свое время отвечал и за многочисленные журналы соответствующего профиля. Однажды, совершенно неожиданно и без какого бы то ни было предупреждения мне было сообщено, что властная «персона» собирает директоров издательств на срочное совещание. Скажу заранее, с персоной, занимавшей исключительно важный пост и прорвавшийся далее в заоблачные дали российской политики, у меня были вполне дружеские, основанные на фронтовых воспоминаниях отношения. Каково же было мое удивление (едва не приведшее к инфаркту), когда, пересев в другой стул, за столом президиума в зале, персона начала вещать о величии В.И. Ленина, о том, что любая запятая в рассказе о нем не менее важна, чем восход солнца, что доктору наук (сиречь – мне!) следовало бы об этом знать. А итоге

подобных реминисценций последовала какая-то цитата из журнала, вышедшего под грифом руководимого мною издательства, где корректор типографии явно допустил глазную ошибку (что-то вроде «верные ленивцы» вместо верные ленинцы – о Членах тогдашнего Политбюро ЦК КПСС, если мне память не изменяет). Но что более странно – сойдя со стула, персону сразу же, уютно устроившись в индивидуальном кабинете, предложила мне стакан отборного коньяка из холодильника, замаскированного в громадном сейфе и посоветовала мне на густом, вполне профессиональном мате забыть всю происходившую муть, ибо В.И. Ленин был и остается для него вполне... зловещим человеком, и притом – полуобразованным. Кстати, уже тогда за окном кабинета персону занималась «заря перемен», отбросившая мою Россию в ряды недоразвитых стран – не без активной помощи все той же персону, вдруг прозревшей и усмотревшей смысл своего убогого бытия в непрерывном поношении одного из действительно величайших и образованнейших лидеров XX столетия.

Йехуистская зараза, происходящая от магии стула, поражает всех, кроме, пожалуй, стойких эквитистов. Вспоминаю, как в разных обстоятельствах и по разному поводу бывал у тех бойцов ленинской гвардии, которых беспощадная жизнь оставила – словно в назидание потомкам – в единичных экземплярах в паутине всеобщего йехуизма. Они не сажались специально на стул, неожиданно выйдя по звонку секретарши из-за портьеры подобно классикам йехуистской номенклатуры – но просто и уютно размещались в рабочем кресле, либо ходили из угла в угол, а ты всегда ощущал свою значительность, необходимость. Обо всем этом я рассказал в книге воспоминаний «Подвижники духа», так что не вижу особой необходимости повторяться.

Коварство и любовь – вот крайняя в интересующем меня логическом ряду диахотомических отношений связка йехуизма и эквитизма. Это не просто проявление дьяволиады и ангелиады в человеческой сущности, в нашем изначальном способе бытия. Здесь – куда более загадочное по таинственности, если хотите – изначальности тайна вечного противостояния в пределах суперсистемы йехуизма и эквитизма.

Коварство – опять – таки не только моральный феномен. Это – тип индивидуального, личностного и социального бытия, характерный для йехуистов всех мастей, всех рангов, всех цивилизаций. Его основа – раздвоение человека, всегда в потенции – целостного, выражающееся в несовпадении декларируемого действия и его ожидаемого результата, возвышенного и успокаивающего слова и позорного предумышленного деяния, завораживающего внешнего лоска и подленькой натуры, закамуфлированной им. Если бы не было изначальности, в силу роковой ошибки природы подобного раздвоения, человечество развивалось бы по совершенно иному сценарию.

Ведь именно на этом раздвоении базируется любой йехуизм, и мелкотравчатый, свойственный какому – либо придворному холую, и зловещий йехуизм тирана, определяющий горестные судьбы миллионов. Об этом мы порою забываем, восхищенные музейной эстетикой, поэтизацией быта прошумевших по нашей Земле тиранов и их царедворцев, в том числе и не столь отдаленных от нас временными просторами.

Прелюбопытно наблюдать, как потомки русских или немецких крепостных, которых усердно секли кнутами на конюшнях либо прогоняли сквозь строй, у которых вырывали ноздри и клеймили каленым железом словно скот, с умильными вздохами рассматривают действительно любопытные предметы быта ушедших в прошлое палачей, их восковые фигуры, наряды и уникальную домашнюю утварь. Хорошо, что человек способен забывать, но ведь забытое может вдруг повториться, возродиться в еще более чудовищных формах, если окончательно восторжествует йехуизм. Что, кстати, ныне реально в большей степени, чем когда – либо в прошлом. Вслушайтесь – все йехуисты уже привыкли именовать себя «высшим светом» ! Их указание подхватили и всемогущие средства массовой информации, работники которых не устают щебетать с английским акцентом в умильном восторге рабов - о быте нынешних владык мира, о новых, «элитных» кварталах, выстроенных специально для них, о чудесах кулинарии, которые ошеломляют в дни уныло-однообразных приемов, банкетов, саммитов, о дочерях бывших партийных лидеров, демонстрирующих бриллианты на подиумах Парижа и т. д.

Любовь в этой суперсистеме «йехуизм – эквитизм» кажется чем-то эфемерным, выражающим предельно абстрактные представления об идеале поведения человека, его способа бытия. В ее основе – всегда и неукоснительно заложено представление о другом человеке как высшей ценности, как смысле твоего индивидуального бытия. Именно любовь оказалась тем внутренним побудителем в науке, искусстве, вере, который вызвал самую удивительную и конструктивную идею **всеобщего равенства**. Она – неизбежная альтернатива унылой идее войны всех против всех, якобы побудившей несовершенное, погрязшее во взаимном истреблении человечество к общественному договору, к делегированию части своих прав Левиафану – государству.

Не случайно идею равенства всех со всеми всегда пытались и пытаются изничтожить, вытравить из общего сознания йехуисты прошлого и настоящего. В лучшем случае они согласны представить равенство как утопию, как наивную мечту незрелого, наивного человечества. Надо признаться – им есть на что опереться в мутном потоке истории, который всегда в прошлом сминал любые конструкции социума, базирующегося на равенстве. И если автор восьмидесяти книг «Человеческой комедии» Оноре де Бальзак, проанализировавший почти все стороны жизни французского общества XIX века, воскликнул в «Герцогине де Ланже»: «Равенство может быть правом, но ни одна сила на земле не может сделать его реальностью», то вряд ли его суждение может быть отнесено к разряду парадоксов.

Но эквитисты потому и эквитисты, что они не только верят в невозможное, но и делают все для торжества любви человека к человеку. Именно она и только она – фундамент реального равенства, а стало быть без озарения светом любви каждого человека к человеку нет земных дорог к нему. В связке «коварство – любовь» должна определять всю логику отношений божественного человека именно любовь. В таком случае коварство если не исчезнет (что – мало вероятно в провидимом будущем в силу реального несовершенства, ошибочности нашей породы), то будет поставлено в некие общепринятые гуманистические рамки. Иными словами, станет социально – безопасным.

Таковы некоторые образные решения логической дихотомии человеческого бытия, которое ныне захлестывается волнами йехуизма, сметающими все на своем пути. Но их стихии неизбежно, по мудрым законам природы противостоит снова и снова как компонент суперсистемы эквитизм - надежда человечества на будущее, на приход того Спасителя, который отведет их от края дьявольской бездны всеобщей йехуизации. Мы можем приветствовать зарю этой светлой надежды лишь трезвым, действенным анализом с позиций духовной культуры всех современных отношений между йехуизмом и эквитизмом. Вне действенного анализа новой исторической ситуации немислимо и конструктивное, творческое действие. Попытаюсь его провести, отчетливо понимая и ограниченность своих индивидуальных сил, и скрытое противодействие, которое я ощущаю ныне повсеместно в йехуистской среде высказываемым мною идеям.

Цунами йехуизма и духовный коллапс информационной цивилизации

Йехуизм как ипостась частичного человека

Хочу я того или не хочу (в порядке вполне естественной осторожности, к которой меня систематически призывают мои друзья – читатели, знакомые и незнакомые), но анализ современной суперсистемы «йехуизм – эквитизм» принуждает далее отказаться от зашифрованного изложения, от скрытого сарказма и исторической символики и, как говорится, пойти дальше в анализе этой системы с поднятым забралом. А это значит, мне не избежать прямого ответа на два сакральных вопроса: 1) Всесилен ли ныне, в эпоху информационной цивилизации йехуизм и как далеко разошлись его роковые для человечества метастазы; 2) Есть ли у современного инфантильного эквитизма внутренний потенциал для перелома исторической ситуации или же он станет в будущем вполне законной оппозицией Их величества бестиариев.

Здесь уже абсолютно недостаточны исторические аналогии и параллели. Прав был Эдуард Гиббон, писавший в «Упадке и разрушение Римской империи»: все человечество должно деградировать, если не будет продвигаться вперед. Учиться у прошлого – необходимо, что осознают и йехуисты – бестиарии, обобщая предшествующий опыт разных государств, значение прямой, откровенной, военной силы и своевременно, не задумываясь, применяют ее как во внешней, так и во внутренней политике. Их своеобразие, пожалуй, только в том, что, превратившись в крайне малочисленный клан, они утратили даже те сдерживающие нравственные стимулы, которые порою существовали ранее, в действиях предшественников. Но историческая ситуация качественно изменилась - ныне не только, и не столько полиция, жандармы, отряды специального назначения, легионы смерти охраняют власть йехуистов (а имя этой дьяволиаде действительно надо искать в сатанинском лексиконе), но и куда более могучие силы, вызванные ныне к жизни человеческим духом. **Это – новые системы информационного прессинга, равного которому не было ни в реальной истории, ни в больном воображении фантастов.** Здесь и только здесь пути научного рассмотрения суперсистемы «йехуизм – эквитизм». Здесь и начинается смех сквозь слезы.

Говоря об информационном прессинге, я отнюдь не хочу еще раз повторить банальное положение о всевластии йехуистов – бестиариев и всей бесовщины меньшего ранга в сфере прессы, средств массовой информации, образования, о количественном возрастании их роли в духовной сфере. Если бы все обстояло именно так, то сверхзадача эквитизма – вывод человечества на орбиту подлинно человеческого становления и развития представлялась бы в более радужных тонах. Но для такой световой и цветовой аберрации нет реального основания, и все представляется мне в неизмеримо более сумрачных тонах. Но сумерки мысли могут исчезнуть только в жизнетворящей деятельности духа, который в данном случае требует не эмоциональных восклицаний либо прорицаний, но тройственного постижения истины.

Я полагаю, что только осмысление сущности и причин бесспорной эффективности новых информационных технологий и прекрасно

отработанной ныне методики манипулирования всем спектром бытия человека современной цивилизации, всеми без исключения проявлениями его жизнедеятельности на национальном и региональном уровне развития его культуры – необходимая предпосылка такого результативного теоретического анализа. Следовательно, и предпосылка практической выработки стратегии и тактики информационной защиты индивида, личности и общества эквитистами. Причем в условиях, когда они не обладают даже минимально необходимыми материальными ресурсами для такой защиты, когда они сами предельно малочисленны и зачастую – бесстыдно оболганы.

Оговорюсь, что информационная задача противостояния эквитистов любым формам всесильного йехуизма трактуется мною не только как традиционное идеологическое противоборство, но прежде всего как система продуманных, научно – обоснованных действий по защите непреходящих духовных ценностей человечества от их целенаправленного разрушения. Разумеется, при этом следует руководствоваться структурным подходом, выделяя и исследуя все реальное поле нашего бытия, от производства до систем потребления, от повседневного опыта и путей его ретрансляции до таких неразделимых феноменов духовной жизни, как логическое познание, эмоциональные реакции и ценностные ориентиры веры.

Подобные феномены, являющиеся в действительности неразделимым, синкретичным по характеру синтезом науки, искусства и религии, принято обобщенно называть духовной культурой. Обращаю особое внимание на этот универсальный термин, содержательный смысл которого, повторяю, впервые раскрыл опять-таки один из самых загадочных и прозорливых писателей прошлого – Томас Гоббс в книге «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Каково бы ни было конкретно-историческое взаимодействие и взаимопроникновение искусства, науки и веры, его нельзя понять и сколь-либо операционно интерпретировать, рассматривая лишь специфику, качественное своеобразие каждого из членов этой триады.

Конечно, такой дифференцированный подход, имеющий весьма солидную историческую традицию, нельзя игнорировать и сегодня. Но информационный коллапс, который весьма умело и масштабно используют в целях манипуляции всем человечеством самые зловещие социальные силы, требует не столько дифференцированного подхода к компонентам духовной культуры, сколько **синкретичного взгляда на нее как на целостное явление**. А подобный взгляд предполагает принципиально новую систему ретрансляции духовной культуры, и соответственно – радикальную модернизацию всех подходов к глобальным проблемам образования подрастающего поколения, на что одним из первых обратил внимание академик Э.В. Евреинов.

Вне подобного подхода мы получаем как итог образовательного процесса **частичного** человека, разрозненные знания, эмоции и верования которого уподобляют его зверю, в страхе мнящегося в темной клетке, но умело направляемого электрошоком в руках манипулятора – дрессировщика. Он может рассуждать на уровне избитых тривиальных истин популярных лексиконов; судить о прекрасном вполне амбициозно – но на уровне шоу-бизнеса; подменять истинную, подвижническую веру, делающую индивидуальность, личность, общество несокрушимым камнем на пути любых житейских цунами банальными

суждениями легковесной журналистики о бреде модных на сей час ересиархов. Но целостный взгляд на мир ему абсолютно недоступен, ибо ему недоступна высокая духовная культура в ее монолитном единстве. Он потребляет как скот ту жвачку, которая преподносится ему йехуистами низших рангов как полноценный живительный корм, не без юмора тоже именуемый духовной культурой.

Духовная культура стала ныне ареной борьбы добрых, конструктивных, гуманных сил за выживание всего человечества, ибо она, сохраняя как прогрессивные традиции прошлого, так и опыт отхода от них, **неожиданно, едва ли не при жизни одного-двух поколений приобрела деструктивное потенциальное значение универсального по своей разрушительной силе оружия**, предопределяющего поиск подвижниками духа принципиально новых, нетрадиционных подходов к освоению уроков информационного противоборства во всех его исторических ипостасях.

Отмечу прежде всего, что подобную **поливариантную роль** духовная культура играла и в прошлом, обслуживая и укрепляя как пособников Сатаны, так и поборников вселенского света Истины. От этого факта мы не можем уходить в сферу прекраснодушной и абстрактной эстетической болтовни. Духовная культура в любых, в том числе в самых возвышенных ее проявлениях в силу загадочной, стыдливо маскируемой, или же наивной - иллюзорной, или же громогласно декларируемой нейтральности обслуживала, подобно всесветской проститутке, всех и вся, без разбора и элементарного чувства брезгливости, ибо ей, раз возникшей как цветку человеческого гения, не дано самой определять клиентов, потребителей. И это – не ее вина, но реальность ее социального бытия, а посему не следует обижаться на кого-либо за констатацию этого самоочевидного факта.

Едва ли Рихард Вагнер при всей парадоксальности идейных убеждений мог предполагать, что его великие, исполненные титанических духовных прозрений произведения о столкновении космических сил, будут канонизированы как вершина арийского духа Гитлером и его подручными. Не думали, естественно, и авторы прекрасного гимна французов – «Марсельезы», призывавшей всех сынов отечества на смертный бой с тиранами, что под ее звуки зашагают по Европе орды наполеоновских захватчиков. А предполагают ли молодые русские ученые, впервые остановившие в американской лаборатории свет, какие космические катаклизмы, в частности – через преобразование всех информационных технологий, последуют в ближайшем будущем? Что касается творцов великих вероучений, авторов бессмертных Книг человечества, то не сомневаюсь, что они содрогаются в иных мирах от осознания того, что сделали их последователи – йехуисты в истории человечества и что они еще могут натворить, разжигая межконфессиональную рознь.

Отмечу далее, что как для духовной культуры, рассматриваемой с позиций синкретизма, так и для всех ее структурных и взаимосвязанных органически компонентов характерна **неопределенная адресность**. Естественно, что она наиболее очевидна для великих откровений науки. Человеческий совокупный гений, поднявший аппарат тяжелее воздуха в безбрежный воздушный океан и создавший почти фантастическую по возможностям нынешнюю авиацию и космонавтику, не мог даже в самом буйном, несдержанном воображении

предвидеть их роль как факторов тотального истребления всего живого на нашей прекрасной планете.

Математики и физики, равно как и их коллеги из смежных научных дисциплин, постигая самые сокровенные и глубинные тайны строения Вселенной, проникая в макро- и микромиры, безусловно высочайшей сверхзадачей науки считали постижение истины. Большинству из них даже в дурном сне воображение не могло нарисовать вполне реальный ныне атомный Апокалипсис, основанный на их открытиях. Так было в прошлом, когда был изобретен порох. Так будет и впредь, ибо движение человеческой мысли по пути к истине необоримо и всегда непредсказуемо по последствиям. **Подобно клинку, важно не только ее объективное и неотъемлемое качество открытия истины, но и чьи руки ее направляют и в каких целях – гуманных или античеловечных.**

Мы с полным основанием подчеркиваем гуманистическую, облагораживающую силу искусства, творцами которого являются великие провидцы–эквитисты, люди бескомпромиссной убежденности и подлинного бесстрашия. Но было бы исторической нелепостью забывать и то, что искусство не только служило социальным целям бестиариев в прошлом, но и в последнее время запятнало себя откровенным антигуманизмом, национализмом и шовинизмом в угоду новым всесильным владыкам мира. Не могу не привести в этой связи мысль А.Эфроса из статьи «Война и искусство»: «Мобилизационные приказы 1 августа 1914 года мобилизовали искусство с такой же категоричностью, как все остальное. Искусство перешло на военное положение даже быстрее, чем что бы то ни было. Оно в буквальном смысле слова бросилось на указываемого сверху противника, одновременно с теми первыми полками, которые экстренными поездами помчались к границам, чтобы заслонить их или перешагнуть. Рисунки, карикатуры, плакаты, лозунги, марки, значки разлетелись, расползлись, расшвырялись мириадами, как саранча, по всем линиям жизни и быта, не только тех стран, которые воевали, но и тех, которые готовились воевать, и тех, которые готовились греть руки в чужой беде. Все, чем проявляло себя в искусстве военное ожесточение в недавние, предшествовавшие, подготовительные к мировой войне столкновения конца XIX века, XX века, англо–бурское, русско–японское, балкано–турецкое и т. д., все собралось здесь в один кулак, умножилось и утысячилось, чтобы стать одним из самых могущественных средств мобилизации ненависти, разжигания шовинизма и жажды крови».

Бессмысленно, хотя и привычно для обыденного сознания, отделять в духовной жизни и ее масштабном результате – духовной культуре науку и искусство от веры. Принятие чего-либо за истину без доказательства умом и чувствами – реальность всего нашего бытия, а не только сфера церковной ортодоксии. Без веры в свою миссию, в индивидуальную историческую значимость ни один ученый не отдавал бы всего себя, всю столь краткую индивидуальную жизнь на нашей брэнной Земле изнурительному и как правило – неблагодарному труду. Искусство также, в буквальном смысле слова есть для художника символ веры, позволяющий ему вопреки всем житейским препонам и катаклизмам жить с ореолом творца, считать себя богоравным.

В синкретичном единстве с наукой и искусством возникают великие и малые верования, дающие человеку перспективу, надежду на бессмертие, уверенность в некоторых фундаментальных ценностях, которые ориентируют наше бытие,

выводят его на озаренный светом общечеловеческой истины путь. Конечно, и вера может стать предметом манипулирования, истолкования сонмом служителей церковной организации, которую никогда не признавали отцы-вероучители. Именно профессиональные служители всевозможных конфессий (а их ныне в мире более 300 миллионов !) первыми поднимают кровавые стяги локальных и всемирных войн, благословляют миллионы на торный путь взаимоистребления как на потребу своих корыстных устремлений, так и во имя утверждения и прославления власть имущих.

Они присваивают себе прерогативу объявлять джихад – истребительную войну с неверными, провозглашать право «избранного» народа Израиля на истребление всех и вся на пути в Землю обетованную, которой неожиданно оказывается весь наш мир, подталкивать крестоносцев на завоевание далеких земель во имя поиска Чаши Святого Грааля. Именно они пошли впереди русского белого воинства, запутавшегося в сетях международных интриг и благословляли его на поголовное истребление всех инакомыслящих, на тотальный террор, породивший неизбежный ответный террор. Сегодня те, кто на потребу дня принимает как необходимость внешние символы веры, по неизбежности в итоге оказывается объектом манипулирования, разделения бессмысленного человеческого стада по любому, пусть внешнему, чисто символическому признаку. Вот, кстати, почему я предложил на суд общественности не идею клерикального образования в школе, не идею преподавания православной нравственности, но преподавание сравнительной теории вероучений, которая помогает новым поколениям лучше понять друг друга, оценить загадочную человеческую общность и содержательность Великих книг человечества.

Духовная культура как синтез науки, искусства и веры, далее, обладает поразительной мощью прозрения, предвидения, способностью срывать все покровы Исиды. Она, например, как точнейший индикатор всегда предупреждала, обращаясь ко всем и каждому, *urbi et orbi*, о грядущей войне. Порою – задолго до того, как Молох алогичного, чудовищного по своей сути человеческого взаимоистребления начинал кровавую жатву. Тот факт, что направленность духовных исканий, словно в магическом кристалле, высвечивает будущее и выход народов на тропу взаимоистребительной войны, достаточно подробно проанализирован в литературе вопроса.

Духовная культура как синтез знаний, эмоций и веры никогда, даже в периоды победной эйфории и торжества «своего» оружия не опускалась до прославления каннибализма, поэтизации уничтожения жизни. Напротив, она по неизбежности даже в такие мгновения истории подобно вещи Кассандре обращалась к успокоенной совести человечества с будоражащими сознание и чувства призывами. Прослеживается любопытная закономерность: именно тогда, когда назревает военный конфликт, будь то война холодным или же огнестрельным оружием, а уж тем более – ядерным, духовная культура словно по волшебству целенаправленно и масштабно начинает либо утверждение алогичности любого насилия, либо страстную проповедь незыблемых ценностей человеческого духа, придающих хотя бы некоторый, пусть – ограниченный смысл нашему бытию.

Короче – в прошлом духовная культура в наивысших достижениях вопреки всем препонам не изменяла своему исконному гуманному предназначению в

деле человекотворения. Естественно, рядом с нею, в тесном переплетении либо параллельно всегда развивалась антикультура, направлявшая отравленные злобой и ненавистью стрелы в мир незыблемых человеческих ценностей. И все же никогда она не становилась господствующим фактором социального и индивидуального бытия миллиардов людей вопреки всем стараниям вполне реальных зловещих сил, вопреки мощи предшественников йехуистов - бестиариев.

Но далее, на пороге возникновения и распространения в глобальном масштабе средств массовой информации и информационных технологий происходит поразительная метаморфоза: духовная культура в основе своей словно преображается. Она не только вдруг во всех проявлениях знаний, эмоций и веры перестает выполнять по природе присущую ей гуманную миссию, но и принципиально меняет все ориентиры подлинной духовности, игнорируя вспыхнувшее информационное противоборство, куда более страшное по последствиям, чем термоядерная война. Более того, сознательно или неосознанно, под давлением самых разных факторов, она из средства общечеловеческого прозрения становится феноменом массовой интеллектуальной дебилизации людей, их эмоционального обыдливания, первопричиной утраты любых проявлений устойчивой, неколебимой веры.

В чем же тайна подобного преображения духовной культуры, решительного, подавляющего возобладания в ней, в ее структуре компонентов антикультуры? Почему такие изначальные, базовые ее принципы, как поливариантность, неопределенная адресность, дар прозрения, не имевшие в прошлом столь разрушительного значения для человеческого духа, неожиданно стали негативно проявляться в таком вселенском масштабе, что тонкие, остро чувствующие и перспективно мыслящие люди вдруг единодушно заговорили о грядущем Конце Света? Вопрос отнюдь не простой, но требующий хотя бы гипотетического обобщенного ответа.

Первое и наиболее очевидное обстоятельство – исторические уроки, которые прекрасно усвоили за тысячелетия рвущиеся к абсолютному господству социальные силы, те весьма немногочисленные, но отлично организованные в своеобразный Интернационал капитала йеху–бестиарии (yiehu-bestia), в руках которых (безотносительно к их региональной и национальной принадлежности) ныне сконцентрированы основные богатства нашей планеты. Они усвоили исторический опыт революций и социальных катаклизмов, безжалостно и закономерно бросавших под каток истории владык всех рангов и масштабов состояний. Отсюда – точно поставленная многоплановая задача стратегии и тактики информационной войны, финансируемой именно ими:

Во-первых, тотальное разрушение всех идеалов и ценностей свободомыслия Просвещения, наследия его титанов и подмена их модными псевдонаучными изысками вроде алхимии, астрологии, футурологии, телепатии и другими проявлениями духовного онанизма, который, казалось бы, канул в Лету уже в XIX веке. Пропаганда узкого прагматизма и третирование всего, что хотя бы косвенно способствует подлинному просвещению масс финансируется столь щедро, что уже сегодня даже в нашей, некогда одной из самых читающих стран подавляющему числу людей разного интеллектуального уровня и степени формальной

образованности абсолютно неведомы классики мировой литературы и прежде всего – первопроходцы освободительной мысли.

Во-вторых, глобальная подмена реалистического искусства высокой духовности и гуманистического эмоционального потенциала пустопорожними формальными изысками, охоть и ахоть около которых либо по прочтении которых считается признаком пресловутой «элитарности», чуть ли не кастовой принадлежности к миру «бомонда». Более того, что намного страшнее и катастрофичнее по последствиям: произошла всесветская агрессия, и на наших глазах доброе, человеческое искусство повсеместно вытесняется откровенно сдвинутыми в психическом отношении продуктами шоу - бизнеса, доходы от которого ныне вполне сопоставимы с прибылями нефтяных консорциумов, развлекательным и глупейшим чтивом, рассчитанным на больных в сексуальном отношении девиц, индустрией моды, призванной преобразовать нормального в физическом отношении индивида любого пола в эстетического монстра, кинематографом и его мощным ретранслятором – телевидением, где почти безраздельно воцарилась банда бездарных «производителей лент», не только делающих грязные деньги, но не за страх, а на свою убогую совесть выполняющих социальный заказ бестиариев, то есть немногих и вполне реальных финансовых владык мира. Корусть и безграничный цинизм стали символами веры целой армии художников и могучих организаций, тиражирующих плоды их труда. Попробуйте расшевелить этот муравейник словом правды !

И, наконец, в-третьих: разрушение устойчивых принципов веры, ее дробление на множество сектантских ручейков или же ее сведение к внешнему набору обязательных процедур. Подобное разрушение веры как проявления глубинных, опытом подтвержденных установок закономерно и неодолимо проецируется и в системе общенаучных убеждений индивида, превращая его в растерянного, подвластного всем велениям теоретической моды человека, в подобие интеллектуального слизняка. Целенаправленное разрушение истинной веры немедленно сказывается и на всем комплексе эстетических предпочтений человека, на его эстетических чувствах и художественных вкусах, превращая его в унылого по своей сути homo vulgaris. Все сказанное, кстати, еще раз подтверждает постулат о духовной культуре как синкретичном единстве знаний, эмоций и веры, разделяемых ныне на весьма сомнительном логическом основании.

Другое обстоятельство, способствующее (наряду с новым историческим опытом, усвоенным в итоге социальной эволюции бестиариями) успехам новых владык мира в использовании духовной культуры в информационной войне относится уже к сфере сугубо экономической. До конца девятнадцатого века, вплоть до ознаменовавших его целой серии революционных катаклизмов, духовная культура в ее высших проявлениях оставалась сферой потребления касты господ. Не был в театре античности зрителем – раб, не предавался восторгу от пения оперных див крепостной крестьянин, будь то в России либо в какой-либо из стран Европы, равно как не собирались на площадях городов сотни тысяч почитателей эстрады либо танцев этнографических коллективов. Изнурительный труд от зари до заката за мизерное вознаграждение, одежда отнюдь не от Кардена – ее «успешно» заменяли красочные лохмотья подобные тем, которые известны нам по

описаниям Диккенса, Теккерея, Марка Твена, Достоевского, Максима Горького, не систематические пиршества, бывшие уделом «избранных натур», но полуголодное существование, делающее оупленного человека безразличным к правилам сервировки стола, к формальным нормам поведения во время еды.

Но час искупления пробил – и нашу планету потрясли революционные взрывы, и прежде всего революционное движение миллионных масс в России, за что и поныне должны быть им благодарны все люди труда, физического или умственного, все те, кто не потерял еще элементарную порядочность. Не по доброй воле, но по велению здорового инстинкта самосохранения новые, более опытные владыки мира - бестиарии справедливо посчитали целесообразным пойти на частные, порою – значительные уступки: в определении продолжительности рабочего дня, в размерах заработной платы, в социальном и трудовом законодательстве. И в то же время их так, как никогда ранее, волновал призрак революций, тени систематически уничтожавшихся «чернью» всесильных владык в прошлом повсеместно. Ведь это истребление власть предержащих и оказывается на поверку сутью всей писаной истории. Они отчетливо осознавали, что экономическое манипулирование имеет определенные временные границы и не создает сколь - либо действенных и достаточно фундаментальных преград на пути всесильных и неодолимо растущих потребностей масс.

Кстати, на сторону которых все более активно и осознанно переходили представители действительной, веками формировавшейся духовной элиты во всем мире, безотносительно к их социальному положению. Бесплезно, например, политически мобильным массам Европы внушать мысль о том, что их предки два – три столетия тому назад жили несоизмеримо хуже. Любая экономическая несправедливость выплескивает их на улицы с той мерой активности, которой должно было бы нам, русским, ныне поучиться. Видимо, эквиализм отнюдь не предан забвению нынешней европейской цивилизацией, чем с полным основанием могут гордиться многие свободолюбивые народы. А песенный фольклор европейской молодежи, не предавшей Брехта и песни революционных бардов. Надо быть предельно тупым либо безнадежно впавшим в маразм стариком, чтобы не услышать в современном фольклоре гул надвигающихся очистительных бурь. А разве не символично, что именно молодежь встает ныне на защиту святая святых – среды нашего обитания, тонкой и хрупкой природы, уже готовой уйти в небытие благодаря неискоренимой алчности бестиариев !

Сгруппировавшиеся в действительно предельно малочисленную социальную группу реальных финансовых владык мира, они вместе с тем ощущают зыбкость и преходящее значение материального, экономического всесилия в условиях все более крепнущих глобальных и региональных институтов, при реалиях существования набравшей силы мировой духовной элиты, где вполне неожиданно и парадоксально, вопреки еще недавно бытовавшим социологическим стереотипам, идут бок о бок в будущее ученый и любимый народом король, общепризнанный за верное служение демократическим идеалам духовный пастырь и рабочий, трезвый и неподкупный политик и бесстрашный военный. Подчеркну – эквиализм не прерогатива и не удел какой-либо социальной группы, какого-нибудь сословия или профессии. И проблески его есть в бытии любого нормального жителя нашей Планеты.

Тревога умных бестиариев тем более оправдана, что на глазах фактически одного поколения потерпела полное фиаско и ставка на примитивный агрессивный тоталитаризм – фашизм был разгромлен усилиями объединившихся в суровые годы Второй мировой войны свободных, демократических сил. О повторении аналогичного и возможного социального сценария ныне говорится лишь в футурологических голливудских боевиках о звездных войнах. Реально он представляется как гипотетическая отдаленная перспектива, как своеобразный запасной вариант.

Казалось, что в XIX веке не суждено было реализоваться утопической надежде йеху–бестия на возможность окончательного и бесповоротного торжества их мизерной в численном отношении, но беспредельно богатой группы. Призрак гильотины всегда преследовал их. Спасение пришло вполне неожиданно и с той стороны, которую трудно было принимать в расчет – из мира духовной культуры, из того синкретичного сплава науки, искусства и веры, который до той поры был по преимуществу, вопреки всем исключениям оплотом духовности в борьбе за гуманистические ценности.

Без анализа подобного парадокса не понять методики и технологии информационного всесилия немногих владык мира, остающихся в тени, но манипулирующих миллиардами людей, а тем более – не разработать принципов информационной защиты от всеобщего эмоционального обидливания и интеллектуальной дебилизации, от подталкивания их кучкой бестиариев на роковой путь несвободы.

Духовная культура как синкретичный феномен неожиданно выявила скрытые в ней до той поры потенциальные возможности глобального, целенаправленного и скоординированного воздействия на ум, чувства и волю миллионов, впервые превратившись в решающий фактор манипулирования человечеством, его массовой йехуизации при помощи целой армии профессионально подготовленных прислужников.

Подобная неожиданность была порождена в первую очередь впечатляющими, нараставшими как снежная лавина техническими открытиями. Как всякая лавина, она не сразу обнаружила свою всепоглощающую мощь: открытие фотографии, радиовещания, кинематографа, телевидения казались любопытной, в лучшем случае почти балаганной шуткой талантливых выдумщиков, вполне допустимой на обочине реального технического прогресса в индустрии XIX – XX веков.

Впрочем, так думало большинство обывателей, изначально лишённое способностей перспективного мышления. Но так не могли, не имели права думать бестиарии, уже толкнувшие человечество в пучину непрерывной военной бойни. Наряду с военной индустрией как неисчерпаемым источником сверхприбылей им необходимы были и принципиально новые рычаги влияния на тех, кто создает это оружие и использует его в братоубийственных войнах. Эти рычаги им и дала духовная культура, воздействие которой на человека приобретало почти космическое, универсальное воздействие благодаря новой технике и новым технологиям.

Надо отдать им должное – они сразу же открыли золотой, финансовый поток для развития индустрии зрелищ и ее материально – технической базы, для того, что мы ныне в запоздалом критическом рвении полупрезрительно называем «массовой культурой». Подобно военной индустрии предприятия нового вида

промышленности – духовной: радиопредприятия и радиостанции, киностудии и мощнейшие фабрики кинопромышленности, выпускающие съемочную, проекционную, видеоаппаратуру и пленку покрыли сеть паутины земной шар. Не менее активно поддерживают они и все новейшие открытия науки и завоевания техники, способствующие ретрансляции духовной культуры. На наших глазах универсальное значение приобрели компьютерные технологии и достижения информационной техники, в том числе интернет, без которого немислим ныне ни учебный процесс, ни все типы общения, в том числе и в сфере рыночных отношений, ни работы международных спецслужб, ни исследования ученых. За последние десятилетия на глазах практически одного - двух поколений возникло и сформировалось как реальность всего нашего бытия современное **информационное поле, вырваться за сферу влияния которого практически отдельный индивид не может.** Это нечто вроде рокового поля тяготения, в котором можно существовать лишь подчиняясь его фатально предопределенным законам. И это информационное поле, в отличие от гравитационного, подвластно воле горстки людей, тех бестиариев, который правят ныне вселенский бал. Но в отличие от прошлых времен, когда отчетливо просвечивалась духовная альтернатива, когда духовная культура обладала той степенью социальной самостоятельности, при которой не могло быть и речи об ее тотальном подчинении (даже благодаря страшнейшему террору в отдельные периоды) внешней власти, глобальная информационная агрессия представляется неодолимой. Отсюда – всеобщее распространение пессимистических, упаднических настроений и воззрений среди подлинных Рыцарей Духа, что можно – понять, но нельзя оправдать.

Понять – довольно легко: все средства информации сконцентрированы в руках бестиариев и тех, кто служит им верой и правдой, ибо полностью в своем земном существовании зависит в материальном и духовном отношении от них. Здесь нет необходимости в старомодной, примитивной цензуре: информационное производство изначально организовано так, что ни у кого, ни на каком из этапов его реализации не может возникнуть ни одна не то что крамольная, но просто элементарно - гуманистическая мысль.

Все так называемые свободные информационные каналы всегда декларируют свою полную независимость от какого бы то ни было внешнего воздействия, иначе говоря, претендуют на полную достоверность в постижении истины средствами науки, искусства и веры в их единстве, на свою неангажированность. И на первый взгляд это действительно так. Посмотрите, например, на современный мировой кинематограф, раздавленный катком Голливуда. Он предлагает вам и фильмы черной серии, и исторические постановочные ленты, и любовные мелодрамы, и сексуально-патологические зрелища, и непрерывный мордобой суперменов. Но в действительности тысячи и тысячи лент утверждают тусклый и предельно-однообразный набор мещанских ценностей, провозглашает бессилие индивида и поэтизирует его антисоциальную природу, недопустимость и бесплодность любых проявления человеческой солидарности, коллективизма.

Подобное разрушительное воздействие эстетической информации оказывается тем более пагубным, что владыки мира определяют и так называемый репертуар проката. Вот один наш, сугубо российский пример: подлинно художественные фильмы транслируются по телевидению глубоко за

полночь, когда большинство зрителей спит, а до этого им предлагается (впережку с вполне идиотской и столь же социально-ориентированной рекламой) полный набор примитивных кинолент.

Казалось бы, что такая форма познания истины как наука менее подвержена деформирующему влиянию социального заказа бестиариев. Понимая ее значимость, они говорят с нею на «Вы», всемерно поощряя перспективные технические, технологические и общетеоретические искания и наработки. Здесь нельзя ошибиться – неведомо, какие поразительные последствия может вызвать любое, самое неприметное поначалу открытие ученого.

Но не следует забывать, что в период скандала в философии нового времени, когда она исчезла как особая, универсальная и всеобъемлющая дисциплина, философом, рассуждающим о смысле бытия, о высших духовных ценностях, по неизбежности становится, по мнению академика В.Вернадского, любой подлинный ученый. Но пусть он попытается где-либо в печати или в средствах массовой информации реализовать выстраданные социальные идеи – и сразу же поймет, что лишь угодное бестиариям увидит свет либо будет актуализировано таким мизерным тиражом, что читателями станут лишь немногие избранные из домашнего окружения ученого. Сказанное относится и к духовным исканиям в сфере веры, где полное табу накладывается на любую сколь-либо неортодоксальную мысль. И уж тем более – к искусству. Еще С.Колдридж афористично отметил: «Ни один великий поэт не может не быть одновременно и большим философом». Хотел бы я посмотреть, что получится у тех больших и философствующих мастеров, которые сегодня всерьез примут его афоризм.

Информационный шок или паралич духа

Чтобы преодолеть информационный шок и перейти к духовному противоборству на информационном поле, где все уже взято под контроль антигуманистических сил и организовывать информационное противостояние, невзирая на ограниченность возможностей, отработать его новую стратегию и тактику, эквитистам следует первоначально определить общие стратегические и тактические принципы действий мощного и уже торжествующего противника. На поверку они оказываются весьма примитивными, что не снижает их социальной действенности в силу несовершенства духовной жизни большинства людей.

Я уже отмечал, что духовная культура во всех трех ее взаимосвязанных ипостасях имеет изначальной и существенной целью достоверное знание или истину. **Высшая же цель всей системы манипулирования индивидом на основе новейших технологий, в прошлом недостижимая – мимикрия лжи под правду, иллюзий – под реальное значение.** Если бы какой-либо добропорядочный гуманоид из отдаленной Галактики попытался судить об образе жизни загадочной для него породы Землян по их духовной культуре, он был бы поражен, шокирован, испуган за будущее Вселенной.

Оказывается, мужская половина этой породы тупа и агрессивна, не мыслит действий без физического насилия, благославляет взаимоистребление человечества как высшее благо и собирается после наведения «порядка» на Земле зашагать по Вселенной с лазерным и термоядерным оружием.

Человеческие же самки, преодолев в борьбе за эмансипацию магию заклинания – Kinder, Kuche, Kleide, ударились в сексуальный разгул либо стремятся вступить на тропу войны вопреки исконному предназначению матери как хранительницы жизни. Их естественную, природную красоту до предела исказили нелепые, лишённые какой-либо функциональности одежды и изыски косметики, порождающие всевозможные телесные недуги. Дети загнаны в резервации, лишены спорта, игр, практических трудовых действий, живого, непосредственного общения с природой, развития индивидуальных творческих способностей, а потому – изначально агрессивны и некоммуникабельны.

Убежденный силой искусства, наш гуманоид в реальности начал бы наблюдать только подобные проявления человеческой природы по законам сформировавшейся психологической установки. Он не увидел бы смелых мужчин, почти в одиночку пытающихся остановить ту или иную чудовищную бойню и готовых пожертвовать жизнью за благо человечества. Он не разглядел бы под действительно нелепым макияжем добрые женские сердца, любовью спасающих мир, смело противостоящих социальной лжи и несправедливости, беззаветно отдающих себя вопреки всем бытовым и социальным трудностям становлению новых поколений нравственно здоровых людей. И конечно, в толпе действительно зарегулированных детишек он не увидел бы тех подвижников духа – педагогов, которые повсеместно, в разных уголках нашей планеты ежедневно, ежечасно, с подлинным бескорыстием, но порою – балансирующим в личной жизни на грани нищеты и безмерных бытовых тягот делают из воспитанников достойных, свободных граждан. Да что там бедный и несведущий в земных делах гуманоид – подавляющее число землян, ошеломленных индустрией лжи, ныне мыслит убогими стереотипами, отработанными в тиши кабинетов специалистами по социальному манипулированию и технологами информационного воздействия, ориентированными против идеалов Мирового Разума. Нам, людям старшего поколения, получившим духовную закалку в совершенно иной исторической ситуации, почти невыносимо смотреть на уныло – однообразные типы многих молодых людей, слушать их убогие и как правило – однотипные суждения, всегда характерные для того или иного отрезка времени действия информационного поля.

Но стоит лишь на йоту выйти за границы этого поля, задать нетрадиционный вопрос либо поинтересоваться кругом эстетических впечатлений опрашиваемых, как еще и еще раз убеждаешься, что виноваты не наши дети, а манипуляторы, регулирующие всеми средствами современной духовной культуры – знаниями, эмоциями, убеждениями вступающих в жизнь поколений и естественно – лишённых такого противоядия лжи как практический жизненный опыт. Не случайно, кстати, инициаторы лжи не жалуют старшие поколения, само существование которых порою оказывается действенным средством нейтрализации стратегии и тактики глобальной лжи, выгодной бестиариям. Так, некоторые организаторы нашего народного образования, ратующие за «новое прочтение истории», откровенно и вслух, на ответственных заседаниях мечтают, чтобы ветераны Великой Отечественной войны поскорее... ушли из жизни как назойливая помеха массовому тиражированию их домислов о нашей Победе в учебниках.

Мимикрия социальной лжи под правду как основной, доминирующий стратегический принцип действий всех подручных бестиариев становится максимально эффективным при использовании некоторых **тактических принципов**. Первый в их ряду – **создание в информационном поле узлов крайнего эмоционального напряжения**. Как своеобразную, хотя и привлекательную ограниченность мы восприняли от системы Просвещения глубоко симпатичную абсолютную веру в просветляющую и одухотворяющую силу интеллекта, образованности в узком смысле слова. Столетия, прошедшие с момента первых теоретических деклараций просветителей, действительно изменили и мир, и систему образования человека.

Но уже в этот же период начали звучат смелые голоса мыслителей, доказывавших, что не все так просто в деле становления индивида, что мотивами его решающих активных действий порою могут оказываться самые разные эмоции, а свет разума отнюдь не всегда рассеивает тьму предубеждений и суеверий. Соответственно и система образования, сводимая лишь к просвещению умов, показала на практике, что она не вырабатывает сама по себе стойкого по убеждениям человека, способного не просто мыслить, но мыслить самостоятельно и творчески, не поддаваясь влиянию слепых страстей и искаженной веры. Об этом ныне с тревогой за будущее человечества говорят педагоги разных стран, единодушные в признании необходимости отработки какой-то новой, имеющей глобальное значение педагогики. Ей – то и противостоит тактика манипулирования духовной жизнью человечества на эмоциональном уровне, используемая бестиариями.

Оказалось, что новые технические средства информации, поддержанные фантастическими вливаниями капиталов, способны не только регулировать эмоциональный мир человека (в первую очередь – молодежи), превращая в устойчивые стереотипы духовной жизни заранее predetermined чувства, эстетические суждения, вкусы, идеалы, но и доводить его до своеобразного крещендо, когда чувства начинают затуманивать разум. Любая сверхнаучная технология, отметил Артур Кларк, неотличима от волшебства. И эти технологии ныне – в руках бестиариев.

Чем, как не подобием массового психоза является распространение самой нелепой моды, алогичного и полуживотного поведения не просто индивида в толпе, но всей толпы, которой вдруг, по непонятным просвещенному уму причинам превращается в стадо. Вспомните хотя бы образ подобной полумиллионной толпы на поле аэродрома, где доведенные до истерики африканскими ритмами безликие девицы озверело машут руками, взгромоздившись на тощие плечи своих спутников, где свист и вой раздается по сигналу очередного неизвестного большинству рычащего в микрофон кумира. Вспомните, как группы поддержки во время спортивных ристалищ, организованные из каких – то дружно и за мзду квакающих дебелых актрис, нанятых «клубами фанов», взвинчивают десятки тысяч добропорядочных, истинных любителей спорта на стадионе, лишая их возможности насладиться прелестью состязания и игрой любимцев и побуждая выть, петь, а порою – даже крушить все вокруг. Здесь нет смысла умножать примеры – они вызывают законную и бессильную досаду людей высокой духовной культуры.

Существенно другое – дьявольский, безумный вихрь втягивает человека отнюдь не только во время подобного потока эмоциональных впечатлений, обрушивающихся на него, но и пробивает неизгладимую брешь в структуре его духовной культуры, выводит ее из человеческого состояния равновесия знаний, эмоций и веры, а проще говоря – превращает состояние оскотинивания в относительно стабильное, сказывающееся в дальнейшем и на его интеллекте, и на его убеждениях.

Не менее отработанным на практике можно считать другой тактический принцип организации всего информационного поля властителями мира – **научность**. К сожалению, типичной и устойчивой ошибкой всех прекраснородушных сторонников просветительских идеалов является слепая вера в то, что йехуисты как враги просвещения автоматически являются если не врагами науки, то пренебрегают ее выводами. Они же сегодня, напротив, используют во всей политике, в том числе и в информационной, достижения наук, и прежде всего – социальных: психологии, социологии, педагогики, истории, этнографии, археологии, эстетики, статистики и многих других. Здесь – исконная причина поражающей щедрости владык мира, поддерживающих разнообразные исследования и научные направления, которые на первый взгляд не сулят им никакой непосредственной, сиюминутной прибыли. Столь же эффективно используют они новые информационные технологии для обработки данных и скорейшего внедрения в практику научных рекомендаций, для исследования эффективности запланированного информационного воздействия. Даже простое исследование зрительских интересов и музыкальных увлечений аудитории ведется ими не посредством примитивного выборочного опроса респондентов, но при помощи новейших информационных технологий, позволяющих одновременно отслеживать симпатии и антипатии самой масштабной аудитории. Убежден – тот Левиафан или Государство, которое умудряется держать в позорной нищете цвет нации – ее ученых, порою выбрасывающее из гигантского бюджета какие-то мизерные крохи на развитие научных изысканий, на свободный рост научной молодежи, игнорирующее разрушение могучего интеллектуального потенциала России - исторически обречено. Ему не будет места даже в йехуистской цивилизации, разве что в роли поставщика дешевой рабочей силы и не менее дешевых природных ресурсов. Здесь – только вопрос времени...

Нет нужды еще и еще раз повторять в добавление к сказанному, что новейшая техника и соответствующие ей информационные технологии сразу же внедряются в мир духовной культуры, становятся привычными для миллионов. Разговаривая по мобильному телефону, любой состоятельный человек в Африке либо в Латинской Америке получает фантастическую способность одновременно на дисплее аппарата просматривать либо фильм, либо рекламу. Но выбор в этом случае, весьма широкий и вполне удовлетворяющий обычного человека, жестко предопределен программой, имеющей вполне авторское происхождение. Попробуйте в просветительском рвении изменить программу – и вы потерпите впечатляющее фиаско, порождающее лишь чувство личного бессилия, беспомощности перед неведомым, таинственным богом информационных сражений.

Пользуясь интернетом, вы также, ощущая иллюзию безграничности интеллектуальных поисков (скажем, в какой-либо энциклопедии) невольно махнете рукой на зарегулированность вашего, пусть предельно широкого выбора и односторонних, тенденциозных в идеологическом отношении интерпретаций. Как говорится, и на том спасибо - ведь вы вдруг становитесь обладателем бескрайнего моря ценнейшей научной, художественной и т.п. информации, которой вам не получить за годы и годы упорной индивидуальной работы в любой, самой совершенной библиотеке. А уж отбор – дело вашей индивидуальной культуры, подготовленности. И все же получается весьма парадоксальная ситуация – подлинники наследники свободомыслия Просвещения, не имея реальной возможности инициировать подобные научные исследования, а тем более эффективно, на уровне современных дорогостоящих технологий использовать их, принуждены довольствоваться результатами наработок, возникших в чуждом им информационном поле.

Последствия могут оказаться вполне непредсказуемыми и даже – неожиданными. Вспомним, например, как по явному, а отнюдь не скрытому, завуалированному заказу были в весьма краткий срок, после массовых студенческих и молодежных выступлений по всему миру в пятидесятые – шестидесятые годы прошлого столетия, отработаны (и причем – весьма талантливо, профессионально !) эстетические установки так называемой молодежной культуры. Той вполне реальной ныне массовой художественной культуры молодежи, ее песен и танцев, ее эпатазирующей моды и алогичного, вызывающего вполне понятное раздражение благонравных и забывших свою дерзкую молодость старцев.

Стремясь противостоять ей, вдохновленные возвышенной педагогической задачей гуманизации информационного поля специалисты по духовной культуре не только пользуются чуждыми их сверхзадаче методиками исследования эстетических предпочтений молодежи, но и вполне наивно пытаются изменить содержание массовой культуры. Порою же в порыве бессилия даже начинают призывать к введению строжайшей художественной, научной, конфессиональной, нравственной цензуры, что абсолютно алогично в условиях нарастающей мощи информационных технологий. Они и не предполагают, что подобные самые благие устремления вызывают теперь уже не противодействие гипотетического информационного противника, но прежде всего самой молодежи, усматривающих в них покушение на свободу самовыражения. В итоге – заранее предопределенный и провидимый специалистами по информационному противостоянию конфуз тотального поражения.

Невольно напрашивается простой, но конструктивный выход – нужен какой – то иной, менее дорогостоящий, но более эффективный путь, дабы приостановить интеллектуальную, эмоциональную, ценностную деградацию человечества, его тотальное зомбирование на уровне духовной культуры. Он может быть подсказан только всесильной наукой, мощь которой действительно безгранична, а ресурсы – отнюдь не исчерпаны на потребу зловещих социальных сил. Именно наука утверждает, что центром информационного поля всегда является индивид, что именно в его скрытом, не выявленном потенциале следует искать путь к торжеству в борьбе с информационным Голиафом.

Наука направляет наше внимание не на итоговый результат информационного воздействия, порожденный ее же завоеваниями, но на объект информационного воздействия, и прежде всего, преимущественно – на человеческую индивидуальность. Сражения гениальных шахматистов, и прежде всего Каспарова и Крамника воочию показали, что духовная культура подлинно, всесторонне образованной индивидуальности в итоге всегда будет сильнее информационных устройств, программы которых разработаны все-таки не Богом, а людьми.

Третий тактический принцип, предопределяющий успех информационного противоборства – **сконцентрированность духовного воздействия** на человека всей объединенной мощи науки, искусства и веры в их синтетическом единстве. Вот почему, отрабатывая тактику информационного противоборства, нельзя поддаваться идиотизму профессиональной ограниченности, ратуя за какую – то особую, монополярную роль в этой триаде отдельных компонентов духовной культуры. Признавая целостность духовной культуры, естественно сконцентрировать внимание на интеграционных процессах в духовной сфере, на определении того взаимосочетания ее компонентов, которое позволяет действовать наиболее мобильно и при максимальном успехе на индивидуальном уровне, что своевременно и претотлично поняли современные бестиарии.

Не отказываясь от весьма щедрой поддержки любых прорывов в науке, искусстве, вере, понимая их как задел, без которого невозможно движение вперед, владыки мира сего весьма умело переводят их как новое сложившееся синкретичное единство на более низкий духовной уровень массовой культуры. Ныне не скажешь, что наука недоступна народу, ибо этот самый народ должен работать во всех сферах жизни современной информационной цивилизации, а стало быть – не может не быть должным образом обученным, интеллектуально подготовленным. Поэтому система образования формирует должным образом частичного работника, лишённого той всесторонней интеллектуальной развитости, которая была целью Просвещения.

Искусство же, которое по утопическим мечтаниям тех же титанов Просвещения должно было бы просветлять умы, избавлять их от призраков, от невежественных идолов, столь же активно выполняет совершенно иную по духовной направленности социальную задачу, оглупляя умы, развлекает – оскотинивая. В самом деле, нельзя не поражаться успехам современного книжного дела, многомиллионными, невиданными ранее тиражам популяризируемых средствами массовой информации книг, качеству полиграфии, в чем легко убедиться не только на Международных книжных ярмарках, но и на любых уличных книжных развалах. Но и без специального анализа сразу же становится очевидным, что на массового читателя обрушилось дешевое детективное чтиво, создаваемое бригадами добрых молодцев при помощи компьютерных технологий, слезливая дамская литература, создаваемая и потребляемая неуравновешенными в психическом отношении и явно страдающими комплексом половой неполноценности эмансипированными дамами. Ни о каком синтезе их продукции с откровениями современных естественных и общественных наук не может быть и речи, а уж если есть некое подобие такого синтеза, так это на грани пропаганды антинауки, всевозможных лжеучений и бредовых концепций.

Столь ж активно спекулируют они на любопытстве массового читателя, на его нездоровом интересе к сектантским лжеучениям, о которых любят разглагольствовать на редкость бойкие журналисты повсеместно, и отнюдь не только в России. При этом по социальному заказу бестиариев весьма продуманно так интерпретируются великие или же малые, но подлинно народные по истоку, по духу, по социальной устремленности вероучения, что они вроде бы неожиданно становятся основой противостояния в глобальном масштабе, новым фитилем в пороховой бочке исподволь планируемой новой мировой бойни. Чего стоят, например, продуманные поклепы на учение Мухаммада, на его «Коран», содержащиеся и в массовой кинопродукции, и в проповедях через средства массовой информации нивесть откуда взявшихся миссионеров, отождествляющих ислам с мировым терроризмом. Или же утверждения, что Моисей был первым пророком... жидомасонства.

Стратегия и тактика информационной войны, разработанная и осуществляемая ныне почти в глобальном масштабе, предопределила сокрушающую победу бестиариев, которые уже торжествуют с достаточным основанием впервые в истории свое космическое и непререкаемое господство. Этот факт пора признать со всей определенностью, а не вести бесплодные арьергардные бои, в основном – на бумаге или в процессе пустого словоговения на всевозможных унылых конференциях либо симпозиумах, тешащих больное, неудовлетворенное самолюбие их участников.. Кстати, без учета дефицита реальной политической воли власть имущих во многих государствах, которыми в конечном счете манипулируют те же бестиарии. Вот почему доктрины национальной информационной безопасности, возникающие в разных странах – всего лишь прекраснодушные фразы, призванные усыпить бдительность и совесть общественности.

Попробуйте преобразовать реальный литературный поток и вывести его на пути гуманизма, избавить так называемый шоу-бизнес от рокового влияния характерных для любой страны (в том числе и для России) двух–трех мафиозных семейных кланов, обеспечить прорыв на экраны многих действительно совершенных в художественном отношении, добрых и человечных фильмов, остановить разрушение великих национальных архитектурных центров мира под предлогом их модернизации, равно как и национальных традиций одежды и поведения, делающих наш мир многоцветным и радостным, убрать с экранов телевидения абсурдную, дебильную рекламу (о которой точно сказал Норманн Дуглас – она позволяет судить об идеалах нации) и заменить ее системой трансляции великих сокровищ мирового кинематографа и тем более - театра, о которых теперь уже ничего не ведают новые поколения. Бесплезно, ибо снявши голову, по волосам не плачут. Попробуйте преобразовать содержательную сторону сотен тысяч дискотек, ставших для молодежи едва ли не единственной отдушиной в безрадостном и бесперспективном бытии. Или одухотворить такое открытие в массовой культуре, в индустрии развлечений, как фитнес–клубы, где тренеры как будто способствуют физическому совершенствованию начинающих жиреть особей мужского и женского пола, но в действительности развивают у них агрессивные, скрытые в глубинах нашего реального звериного подсознания стимулы через освоение навыками боевых искусств, через имитацию того же

мордобоя. Над вами только посмеются как над непонятым, живущим вне реалий современности Дон-Кихотом.

Последний бастион – Спаситель уже среди нас

Вот почему я говорю о противодействии бестиариям светлых, гуманных, отнюдь не исчезнувших духовных сил не как о войне, но как о противоборстве на информационном поле. Вот почему также целесообразно подумать, какая реальная сила стоит на этом поле на стороне прогресса, какую стратегию и тактику нам следует отработать совокупными усилиями. Убежден, что подобный аналитический подход избавит многих добропорядочных, мыслящих и тонко чувствующих людей, начинающих терять веру и скатывающихся на позиции фатализма и исторического скептицизма, от социальной пассивности и побудит их к посильным действиям. А главное – от подкоркового страха, порожденного социальной незащищенностью человека в системе рыночной, точнее – капиталистической экономики, страха, парализующего и ум, и эмоции, и веру порою весьма достойных и мужественных людей.

Сразу же возникает наиболее очевидное предложение: сообща подумать прежде всего об адресном характере информационного противодействия духовной культуре, дьяволиаду которой поддерживают без каких - либо финансовых ограничений бестиарии, превратившие ее ныне действительно в массовую культуру. Здесь бесполезно сражаться растопыренными пальцами – слишком слабы и уязвимы все ресурсы прогрессивной, гуманистической духовной культуры. Надо на чем-то сосредоточиться в первую очередь. **И создается всеобщая устойчивая иллюзия, что у нас осталась последняя надежда – молодежь, подрастающие поколения, которые острее и больше всего ощущают на себе прелести свободного рыночного рая или пресловутой глобализации экономики.** Не спорю - на ее целенаправленном гуманистическом образовании можно и должно сконцентрировать все информационные ресурсы, что как догму повторяем мы в просветительском рвении.

Повторял многие десятилетия и я, уверовав в силу неодолимой привлекательности абстрактного лозунга, завещанного нам великими цивилизациями прошлого, в ориентиры образовательного действия, выработанные ими. Определяя основной вектор этого действия, я и давал характеристику современной системе образования, от чего – не отказываюсь. Но с догмами всегда следует оперировать весьма осторожно, я бы сказал – деликатно, ибо бурные, неукротимые волны жизни создают такие ситуации, которые не укладываются в привычные, а посему удобные схемы. Нарядившись в их лохмотья, рискуешь остаться голым на пустом берегу в гордом догматическом одиночестве. Или затесаться в толпе, стараясь не замечать голых вокруг себя, ставших по неизбежности реальной ошибкой природы.

Конечно (и это – не следует отрицать, а тем более игнорировать) – сегодня, в условиях информационной цивилизации, вопреки объединенной мощи йехуистов – бестиариев еще сохранилось, пусть – ограниченное, реальное поле творческого сотрудничества разных потоков: **социальных сил**, которые еще не утратили способность думать перспективно; **семьи**, многие взрослые члены

которой понимают, что такое жесткая конкуренция на рынке труда; исторически - сложившихся **этнических общностей**, для которых развитие духовной культуры детей означает одновременно сохранение самобытной национальной духовности, более того – независимости; **педагогов в самых разнообразных образовательных учреждениях**, которые по самой святой сути профессии не могут или по крайней мере – не должны быть ретроgrадами, игнорирующими подлинную духовность; и, наконец, **подростающих поколений**, неизбежно и органично включенных соответственно возрастным особенностям **в педагогику аутотренинга**.

Убежден, что **система гуманистического, всестороннего образования личности, воспринимаемая многочисленными скептиками в период тотального господства бестиариев как прекраснoдушная интеллигентская утопия, отнюдь не исчерпала себя**. Прежде всего потому, что имеет авторитетную поддержку выдающихся представителей фундаментальной науки, понимающих, что использование результатов их действительно фантастических открытий находится в прямой зависимости от ориентиров, которые станут для молодежи незыблемыми духовными ценностями и заповедями поведения. Бок о бок с ними – (к сожалению, малочисленные) мудрые и перспективно мыслящие деятели искусства, которые учитывают неизбежное и многоплановое обратное влияние аудитории и не изменяют художественно – педагогическим идеалам античности, Возрождения, Просвещения в угоду амбициозным убогим «педагогическим экспериментам». Они все чаще и масштабнее обращаются с добрыми, человечными произведениями к детской и юношеской аудитории. Образованием занимаются самоотверженные и честные духовные пастыри, тысячелетний опыт деятельности которых дает им достаточное основание для тревожений в связи с осознанием той дьяволиады, в которую втягивается массовой культурой молодежь. Короче – у нас еще есть и объективные, и субъективные предпосылки для того, чтобы попытаться переломить ситуацию, используя в образовательной системе триединство науки, искусства и веры. Вопрос в том – на каком пути.

Невольно возникает лукавая мысль – а, быть может, следует тем, кто неравнодушен к судьбам будущих поколений, в первую очередь **восстановить на практике традиции образовательных систем прошлого, выдержавших проверку временем** и неумолимо выступать против всех деструктивных попыток непрерывных реформ, направленных как раз против этих традиций. Кстати, реформаторы образования с таким калейдоскопическим разнообразием возникают на горизонтах нашего просвещения, что их имена немедленно стираются из памяти, а реформаторские идеи сразу же переходят в коллекцию благоглупостей нашего чиновничества, которые не предвидел даже милейший Козьма Прутков.

Фактически процесс возврата к фундаментальным традициям образования начался повсеместно, естественно – соответственно национальному и региональному своеобразию. И в общей направленности, равно как и плодотворности подобного процесса согласны между собой и ученые, и художники, и вероучители, которые ратуют за новую глобальную систему образования, учитывающую это своеобразие.

Доминирующая среди этих традиций – теория и практика всестороннего развития индивида, являющаяся результатом признания равного значения для его становления науки, искусства, веры. Теория и практика эта реализуется в образовательных учреждениях на основе интегративной педагогики, дающей возможность сокращать количество предметов при одновременном совершенствовании всего учебного процесса, позволяющей решительно увеличить в учебном времени ребенка занятия спортом, искусством, практической деятельностью, ретранслирующей бесценный опыт человечества.

Хочу обратить особое внимание, что идея интегративной педагогики, выдвинутая мною в восьмидесятые года на основе обобщения интернационального педагогического опыта, не является калькой так называемых межпредметных связей в образовательном процессе. Ее суть – в интегрировании ряда предметов, порою – далеких по содержанию, **в новую предметную базу**, в корне меняющую все содержание и структуру образования. О подобном пути модернизации образования я высказывался неоднократно, в том числе и в монографии «Драматизм бытия или Обретение смысла». Там же мною были сформулированы принципы новой дидактики и организационные основы создания Центров интегративного образования. Мне представлялось, что подготовленный в них молодой человек будет обладать внутренним противоядием, которое оградит его от шокового воздействия массовой культуры и даже выведет его из круга потребителей этого адского варева.

Повторяю - никакими запретами, ограничениями, многоплановыми элементами цензуры такого эффекта ныне не добиться, ибо новые информационные технологии навсегда утвердили за индивидом абсолютную свободу выбора. Но они также подсказывают нам, что **наиболее важен в информационном противоборстве как раз этот свободный выбор, но свободного, а не манипулируемого индивида. Его основа – высокая духовная культура.** А вот может ли обеспечить ее всеобщее распространение традиционная система образования – весьма сомнительно в свете наметившихся отчетливо тенденций развития суперсистемы «йехуизм – эквитизм». Здесь стоит всем нам задуматься, без амбиций и профессиональной спеси.

Следует учесть прежде всего, что для многих десятков миллионов детей, живущих в зонах непрерывных конфликтов, провоцируемых опять–таки бестиариями, усматривающих в них как источник непомерных доходов, так и средство тотального запугивания, подобное многоплановое образование остается несбыточной мечтой. Конечно, они оказываются в поле защиты **народной педагогики**, возникшей, наверное, на самой заре человечества, когда ни о какой философии либо социологии не было и речи.

Наука о народной педагогике – этнопедагогика разработана такими выдающимися гуманистами, как Маргарет Мид, активно пропагандируется у нас, в России профессором Геннадием Волковым. В информационном противостоянии их выводы о конструктивной силе сказки и сказания, обряда и народного праздника, народного костюма и фольклора, песен и танцев могут и должны быть использованы не только для образования детей и юношества в тех регионах, которые стали постоянной зоной человеческого горя. Они вполне применимы как противоядие против заразы унифицированной массовой культуры и в благополучных странах, население которых все чаще и активнее

испытывает ностальгию по прошлому своей, всегда прекрасной национальной культуры, вовлекаясь в тусклый поток заштампованной обезличенности. И все же последняя неодолимо берет верх, что также порождает в среде педагогической общественности (в широком смысле слова) весьма скептическое отношение к идее социального прогресса и торжества на его основе Homo divinas.

В духовном противоборстве с всесильными бестиариями подлинным поборником культуры выступает **семья, что прекрасно и неопровержимо доказал такой гений мировой педагогики как А. С. Макаренко**. Можно смело утверждать, что если говорить о семье нормальной, не подвергшейся полностью растлению манками массовой культуры либо психическими и физиологическими отклонениями ее членов от нормы, выдаваемыми идеологами йехуизма за последнее слово человеческой цивилизации, то ее обоснованно можно рассматривать как потенциального союзника в противоборстве с массовой культурой, с ее растлевающим душу влиянием. Нормальная семья – это не только форпост нравственности и простой человеческой порядочности, но и предпосылка выживания человека в период временного торжества супервладык современного мира. Сейчас они разворачивают действительно крестовый, а точнее – дьявольский поход против труда, всячески, всеми средствами массовых коммуникаций убеждая нас, что не труд есть основа народного благосостояния и не он породил человека. Главное, единодушно и с завидным постоянством твердят они, что формирует человека, что составляет смысл его бытия на Земле – это наслаждение и развлечение как истинная сфера свободы. Привлекательно и заманчиво. Но не торопитесь, а вдумайтесь !

Без особого интеллектуального усилия за подобной ориентацией средств массовой информации и педагогики во всех ее формах угадывается двоякий смысл: усыпить социальную бдительность тех, кто уже в ближайшее время окажется вне какой – либо работы благодаря ошеломляющим успехам технического прогресса и добиться сдвига тех установок, которые вырабатывает у каждого на основе положительного жизненного опыта семья. А ведь именно семья решает наиболее успешно извечную задачу образования человека на основе практического **жизненного опыта, что убедительно доказал в свое время Д. Дьюи**. Разрушение традиционного семейного уклада неизбежно приводит к таким духовным деформациям, прежде всего – в среде молодежи, которые подобны ныне опаснейшей пандемии.

И все же, вопреки ее выверенности, многоплановая и поливариантная по природе своей структура образовательного процесса, сложившаяся в течение тысячелетий, ныне дает загадочные сбои. Замалчивать этот бесспорный и общепризнанный факт – значит объективно признать всесилие йехуизма, всего дикого и темного в природе человека. Поэтому следует усомниться в ее универсальности в новой исторической ситуации, ибо планируемое образование индивида сегодня даже приблизительно не совпадает с полученным результатом, с тем, что принято именовать качеством человеческого материала. Ведь не зря повсеместно звучит одна и та же унылая мысль: став образованнее, люди не стали лучше, совершеннее, добрее. Масштаб средств, материальных и духовных, вкладываемых ныне в образование, здесь также не оказывается решающим и определяющим фактором. Все мы, работники образования,

безмерно страшимся признать то, что стало ныне реальностью – несоответствие тысячелетиями выработывавшихся традиций образования человека новым объективным условиям его бытия в поле информационной цивилизации. Мы страшимся сделать первый шаг на пути осознания этого непреложного факта, требующего принципиально новых подходов к незыблемым основам традиционной системы образования, переосмысления роли каждого компонента образования в его традиционной структуре.

Так что же, в конце концов, мешает всем тем, кто признает необходимым этот шаг, решиться на него? Быть может, коварство йехуистов? Едва ли! Ведь при всеобщей поддержке никаким *yiehu-bestia* поступь прогресса и его впередсмотрящих – эквитистов не остановить. А между тем общим местом не только бытовых суждений, но и всех научных статей, книг, художественных произведений, проповедей стала простая и вполне очевидная мысль о несовпадении реального прогресса нашей цивилизации во всех ее действительно умопомрачительных достижениях с движением человека к *Homo divinas*, к божественному человеку как идеалу. Полагаю, что прогресс информационной цивилизации на современной ее социальной базе дает нам иную, тревожную тенденцию – **всеобщей йехуизации**. В этой тенденции проявляется некоторая историческая закономерность, осознание которой крайне болезненно, даже негативно воспринимается нашими современниками. Но – такова логика суперсистемы «йехуизм – эквитизм».

Скажу откровенно – тогда, когда я демонстрирую метастазы подобного зловещего процесса на отдельных и безусловно ярких творческих индивидуальностях в самых разных, близких мне сферах деятельности, по сути дела являющихся наглядным примером частичного человека, все мои коллеги сразу же ощетиняются подобно древнеримской фаланге. Здесь, конечно, проявляется синдром переноса образа – на свою индивидуальность, которая для каждого из нас – вне поля критического рассмотрения как идеал совершенства. Постараюсь в этой связи, в соответствии законами логико-сатирического жанра, в гротесковой форме, завуалировано и деликатно поведать не о коллегах по профессии и бесчисленным унылым заседаниям, но об одном из моих любимых и действительно перспективно мыслящих театральными режиссерами, сумевшем вызвать взрыв устойчивых зрительских симпатий у нынешней и отнюдь не примитивной молодежи новизной продуктивных идей. Равно как и о том, как его попутал бес и он без какой-либо надобности, уже тогда, когда КПСС была разогнана, умудрился выступить в роли *yiehu-figlarus* на каком-то прегнусном хит-параде, сжигая на глазах изумленной телевизионной аудитории свой партийный билет.

Не ведаю, по какой причине, но это вполне правдивое повествование вызывает у многих моих коллег какое-то откровенное неприятие, слово я вопрошаю о нахождении их личных партийных документов. Тех, которые ни один честный солдат Великой Отечественной войны ни на минуту не оставлял вне гимнастерки. Тех, которые и поныне бережно хранят ученые и художники с мировым именем, памятуя о своем социальном положении в прошлом, из мерзости которого их вырвала очистительная революция. Да и не только в России! Ведь не дали все йехуисты вкупе такого любимого молодежью мира героя, как Че Гевара!

Думаю, что глобальные тенденции социального разложения, всеобщей йехуизации не преодолеть в пределах функционирования образовательных учреждений, даже если их инициатором окажется гений, равный Я.А.Коменскому. Хотя бы потому, что не эти учреждения, при всех явных исторических аномалиях, отнюдь не являются катализаторами всеобщей йехуизации. Более того, не стоит дальше прятаться от реальности, подобно страусу, зарывающему голову при опасности в песок, а откровенно признать тот факт, который хорошо известен серьезным исследователям: образовательные учреждения вкупе в период информационной цивилизации дают среднему человеку не более 15 – 20 процентов знаний, эмоциональных впечатлений, убеждений веры. Кризис цивилизации не тождественен кризису школы и не им порождается.

Попробуем опять-таки воззвать к опыту мудрейших из мудрых, которым посчастливилось создать Великие Книги человечества, вчитаться заново в них и хотя бы задуматься на основе исторической аналогии о том, есть ли у нашей цивилизации спасение и грядет ли Спаситель? Повторяю – только на них наша надежда. Ибо они – нечто большее, чем простая констатация ошибочности человеческой породы, характерная для всей духовной культуры, вызывающей и у нас вполне конкретные ассоциации и переживания.

Например, по простой аналогии с внешним и вполне примитивным, убогим половым распутством, которое ныне охватывает словно чума мир и становится его постыдной приметой, можно найти в прошлом немало произведений науки, искусства, вероучений, которые можно было бы порекомендовать как блистательные учебные пособия современным педерастам, педофилам, лесбиянкам, онанистам, поклонникам скотоложества и труположества. Здесь, как говорится, все в статике и вполне объяснимо физиологическим несовершенством человеческой природы. Подобные произведения еще не сигнализируют о нарастающем тектоническом разломе бытия человека, о переходе от одной цивилизации – к другой, о драматизме нашего несовершенного бытия. Скорее они – свидетельство бедности духа, *testimonium paupertatis*. Их брали за образец подражания в прошлом, полагают их естественной нормой бытия и ныне. Так было, так будет и нет здесь необходимости для убогих моральных сентенций. Тем более, что следует сделать скидку на извечный дефицит сексуального опыта взрослеющей молодежи, помноженный на дефицит культуры. Невольно улыбаюсь, вспоминая встречу с милыми ребятами на бульварной «тусовке» лет тридцать тому назад, когда они согласились дать мне, неопытному старцу, ознакомиться с порнографическими открытками. Вдумайтесь – ими оказались шедевры мировой живописи, от «Данаи» Рембрандта до сюрреалистических полотен С. Дали! Сегодня их преемники на тех же постоянных «тусовках» с подобным же естественным любопытством смотрят на миниатюрные телеэкраны телефонов или пейджеров, созерцая в мире эротике то, что их ныне интересуется и что было уже пройдено нами семьдесят – восемьдесят лет тому назад. Но пройдено же – признайтесь в этом без умильного старческого ханжества. Да и не были умильные старушки, судачащие на бульварных скамейках, и шамкающие старички, ставшие поневоле главными посетителями лечебных учреждений, ангелочками с крыльями. Просто всему – свое время.

Видимо, искомые мною векторы книги следует определить, по аналогии с «Левиафаном» Томаса Гоббса, более определенно, безотносительно к нравственному ригоризму. В такой книге: 1. Должна быть дана картина краха великой цивилизации и всех тех подводных потоков в человеческих низах, которые сокрушили ее; 2. Одновременно - высказано с провидческой силой назидание потомкам о тех вечных ценностях бытия, которые предупреждают подобно прививке йехуизм и его роковые последствия. Полагаю, что в данном случае прозорливый читатель сразу же поймет, что речь идет о книге Петрония Арбитра «Сатирикон». Мудрый приближенный Нерона, организатор его развлечений, человек, славившийся безупречным вкусом, имевшим значение общей нормы, он создал сатирический роман, впервые показавший всеобщую йехуизацию плебса, низших сословий, рядовых римлян. Его герои – отнюдь не владыки мира, не высший свет и не те счастливицы, которые согреваются в тени чудовищного Левиафана – государства. Это – обычные римляне, тот самый Римский народ, мужество, единение, мудрость которого предопределило создание просуществовавшей тысячелетия могущественной цивилизации.

Поражает изящество общей конструкции книги Петрония Арбитра (безотносительно к ее незавершенности). Как истинный мудрец, анализирующий бытие великой цивилизации на грани ее катастрофы всемирно-исторического значения, он начинает повествование с тех деклараций об образовании молодежи, которым законно гордился Вечный город. Свой рассказ о приключениях герой книги начинает с сетований на всеобщую благоглупость обычных римлян. Причина, по его мнению, в образовании: «именно потому, я думаю, и выходят дети из школ дураки дураками, что ничего жизненного, обычного они там не видят и не слышат, а только и узнают что рассказы про пиратов, торчащих с цепями на морском берегу, про тиранов, подписывающих указы с повелением детям обезглавить собственных отцов, да про дев, приносимых в жертву целыми тройками, а то и больше, по слову оракула, во избавление от чумы, да еще всяческие округленные, медоточивые словоизвержения, в которых и слова, и дела как бы посыпаны маком и кунжутом».

Естественно, его мудрый собеседник, принадлежавший к нашему вечному клану педагогов, Агамемнон не выдержав эти праздные разглагольствования, сразу же возразил в защиту «школы» как образовательного учреждения, существующего в среде обезумевшей толпы родителей и властителей. «Я не скрою от тебя тайн нашего искусства. Менее всего виноваты в этом учителя, которым поневоле приходится бесноваться среди бесноватых. Ибо, начини учителя преподавать не то, что нравиться мальчишкам, - они остались бы в школах одни - одинешеньки, как сказал Цицерон. В этом случае они поступают совершенно как льстецы-притворщики, желающие попасть на обед к богачу: только о том и заботятся, как бы сказать что-либо, по их мнению, приятное, ибо без ловушек лести им никогда не добиться своего. Вот так и учитель красноречия. Если, подобно рыбаку, не взденет на крючок привлекательной для рыбешек приманки, то и останется сидеть на скале, без надежды на улов».

Завязка повествования разрешается вполне классически – на площадь врывается толпа римской молодежи, осмеявшей мудреца и подтолкнувшая героя книги на необычные странствия в мир «новых римлян». Судьба бросает их и на

дачи богачей, и на рынки, и в объятия проституток, и в постель пораженных бешенством матки матрон, где все друзья, герой и его собутыльники – Аскилт и Гитон вдруг ощупываются как жеребцы, используются в постели вне меры их юношеских половых сил, а затем принуждаются к сожителству либо с юными мальчиками, либо с маленькими девочками (ну, совсем так, как у нас на Тверской, где опытные бандерши поставляют жирным развратникам пяти – семилетних девочек с опытом бывалых проституток).

Но не будем останавливаться, распуская слюни неумеренной зависти подобно импотентам, на всех этих красочных зрелищах Римской реальности, абсолютно недостижимых для наших доморощенных «представителей бомонда». Вдумаемся в дальнейший тонкий драматургический ход Петрония Арбитра, сразу же сменившего декорации на просцениуме и пустившего наших друзей в разгул на пиршестве, которое давал в триклинии Трималхион, некогда презренный раб – казначей, а ныне – обладатель несметных сокровищ, «новый римлянин». Что только не отведали они до появления хозяина – и вековой давности фалернское вино, и редчайшие оливки, и жареных сонь, обрызганных маком и медом, и кипящих колбасок на серебряной жаровне, под которой томились сирийские сливы и гранатовые зерна. Но кульминация, недоступная никакому величайшему режиссеру, настала лишь с появлением самого Трималхиона. Его внесли на малюсеньких подушечках, под звуки музыки. «Его скобленая голова высывалась из красно-яркого плаща, а шею он обмотал шарфом с пурпуровой оторочкой и свисающей там и сям бахромой. На мизинце левой руки красовалось огромное позолоченное кольцо; на последнем же суставе безымянного, как мне показалось, настоящее золотое с припаянными к нему железными звездочками. Но, чтобы выставить напоказ и другие драгоценности, он обнажил до самого плеча правую руку, украшенную золотым запястьем, прикрепленным сверкающей бляхой к браслету из слоновой кости».

По всем законам великой драмы, здесь и начинается разворот действия, декларированный в прологе. Не буду описывать все те изощренные половые гонки мужчин и женщин, евнухов и мальчиков, малолетних девочек и опытных развратниц, ставших «новыми римскими матронами» подобно Фортунате, жене Трималхиона, еще вчера – уличной арфистке, сиречь – проститутке. Логика поведения «римского бомонда» в период упадка Великой империи – логика поведения йехуистского быдла во все времена и во всех цивилизациях. Стоило только похотливому без меры Трималхиону увидеть в толпе вновь пришедших рабов хорошенького мальчика, а затем обнять и осыпать страстными поцелуями, как Фортуната, до той поры тщательно ощупывавшая мужские достоинства рабов, взвыла как мегера. «... На том основании, что «право правдой крепко», принялась ругать Трималхиона отбросом и срамником, который не может сдержат своей похоти. И под конец прибавила: «Собака!». Трималхион, смущенный и обозленный этой бранью, швырнул ей в лицо чашу. Она завопила, словно ей глаз вышибли, и дрожащими руками закрыла лицо».

Поняв всю опасность положения, наши друзья улепетнули с пира Трималхиона и сразу же попали в просторные миры империи, охваченной мерзким запахом всеобщего тления. Не буду еще и еще раз пересказывать уникальные по творческой силе прозрения эпизоды, характерные и для бытия мудрого старого поэта, и для воинских стычек римских задир, утративших мужество

неистребимых и триумфальных легионов, и для все новых эротических подвигов половых импотентов – извращенцев в публичных домах, в постелях друзей, на свалках. Без подобных поразительных по живописности, остроумию и сарказму картин мир не получил бы впоследствии «Декамерона». Но без них он не получил бы и того назидательного урока, который ныне ведом всем эквитистам – **социальному краху всегда предшествует разложение истинно человеческих представлений о смысле бытия, оскотинивание «обычного», «рядового» человека, его одичание.** Избежать этого разложения может лишь социальный организм, основанный не на власти силы либо денег, но на способе бытия божественного, то есть нормального человека – таков эзотерический вывод бессмертного Петрония Арбитра.

Рядом с упорядоченным чудовищем «Левиафаном» всегда уверенно вышагивает готовое на все человеческое стадо. Отчетливо понимаю, что при подобной формулировке невольно шокирую барышень от философии либо от политологии, знакомых с массами только по сентиментальным фильмам. Но именовать его иначе отнюдь не значит быть гуманистом, а скорее – йехуистом. Об этом стаде громче, смелее, во весь голос всегда вещали эквитисты, понимавшие превеликую опасность омассовленного человека. Именно поэтому, наверное, традиция Петрония Арбитра – более масштабна в историческом плане, характерна и типична для духовной культуры эквитизма. Нельзя, например, не согласиться с профессором Львом Тодоровым, который в очерке о Михаиле Булгакове подметил, что великий писатель – эквитист понимал: утверждающуюся советскую власть погубят не великие и сильные, не Пилаты и Хлудовы, а киафы и киафики, пельцы и аллилуи, орлинские – латунские, степылиходеевы. Кстати, что и случилось, по полной аналогии с пророчествами Петрония Арбитра... Роль масс йехуистов как гробокопателей реального прогресса человека настолько масштабно отражена в науке, искусстве, верованиях эквитистов всех времен и народов, что еще и еще раз напоминать о ней просвещенному, избежавшему интеллектуальной дебилизации читателю, вполне некорректно.

Исторические аналогии – всегда опасны и не всегда – доказательны. И все же те картины социального бытия, которые воссоздали в Великих книгах прошлого Петроний и Томас Гоббс, заставляют нас еще и еще раз задуматься о тех нарастающих йехуистских тенденциях в бытии современного человека, которые всегда приводили в прошлом к одним и тем же катастрофическим последствиям. Их не удавалось избежать простым просвещением умов, не удастся это сделать и теперь. О характере этих зловещих тенденций и об их возможных последствиях для рода человеческого все было сказано мною в двух первых частях книги, посвященных человеку как ошибке природы и принципам классификации йехуистов. Но это была простая констатация, между тем как анализ современной динамики суперсистемы «йехуизм – эквитизм» должен подвести нас к ответу на вопрос о реальных путях спасения человечества от неизбежного краха, порожденного в итоге его природным несовершенством, ошибочностью.

Спасение мне видится в разработке совокупными усилиями ученых, художников, вероучителей новой **информационной системы образования человека (в широком, библейском смысле слова) на всех этапах его**

земного бытия, порожденной всеобщим и неодолимым стремлением (опять - таки преимущественно молодежи) овладеть современной духовной культурой. Жизненные установки новых поколений рода человеческого – вот внутренний мотор создания подобной системы. У этой системы – немыслимая доселе даже в фантазии мощь воздействия на человека технических средств и новых технологий, которые не только ретранслируют тот или иной комплекс духовных ценностей в невиданных ранее масштабах, но и включают всех и каждого в творческое действие. Едва ли не с первых шагов по Земле.

Сегодня фотоаппарат – предмет «ширпотреба», доступный почти каждому, способному оперировать с двумя – тремя кнопками. Никто не считает работу с ним особым, требующим мастерства и специальных знаний занятием. Все, что в годы моего далекого детства требовало и овладения тайнами композиции и экспозиции, и регулирования освещенности объектов, и навыками обработки негативов и позитивов, и гляцевания отпечатков, молниеносно осуществляют фотоаппараты новых поколений, чудесам которых мы привыкли не удивляться. Фотоаппараты, которыми способен оперировать и нормально развитый ребенок.

Овладение техникой и технологией киносъемки - вопрос времени и роста благосостояния каждого, но в принципе современный человек уже не считает кинооператора волшебником, владеющим благодаря специальному образованию тайнами кинематографического искусства, его особым языком. Свершилась техническая и информационная революция – и кинокамеры всех типов, будь то пленочные либо цифровые, опять-таки позволяют всем и каждому выражать мысли на языке киноискусства, фиксировать для последующего воспроизведения все впечатления, а затем – без особого труда монтировать запечатленное согласно тому или иному выразительному замыслу. Так, кстати, появляются на весьма солидных конкурсах ленты, созданные талантливым любителем - автором в одном экземпляре и порою получающие признание специалистов, а затем – прорывающиеся в широкий прокат.

Сорваны вековые покровы тайны с возвышенного музыкального творчества. Ныне, наверное, подавляющую массу музыкальных творений, звучащих и в эфире, и в любой бытовой обстановке, от клубной до семейной, создают всевозможные синтезаторы и аналогичные творения человеческого гения, воплощающие в себе самые последние достижения техники вообще, электроники – в частности. Благодаря им музыкальный мир человека информационной цивилизации достиг порога избыточности со всеми вытекающими отсюда парадоксальными последствиями. Одно из них – предельная атомизация музыкальных предпочтений массового человека, их разброс от классической в буквальном смысле слова музыки до талантливых импровизаций безграничных вокально – инструментальных ансамблей, которые в прошлом могли бы пройти только по разряду дилетантизма. Ныне же тот, кто не видит рождение и утверждение классики в так называемой (конечно, предельно обобщенно) поп-музыке, рискует остаться в абсолютном одиночестве как постаревший сноб.

Подобные примеры торжества новой техники и новых технологий как факторов образования человека легко умножить, приводя как пример и современные средства связи, и вседоступность тех материалов и программ, которые позволяют миллионам заниматься и изобразительным искусством, и

архитектурным проектированием, и декоративно-прикладной деятельностью во всех ее типах. Но в этом необозримом потоке завоеваний и открытий информационной цивилизации есть доминанта, помогающая всем нам с надеждой говорить о грядущем Спасителе. Это – компьютерная техника и новые, еще невиданные информационные технологии, которые развиваются в темпе взорвавшегося мощного вулкана. Они и только они позволят в провидимом будущем сконцентрировать воедино все то, что создал за последние десятилетия мир первопроходцев – эквитистов.

Обнадеживает единогодушие выдающихся специалистов по информатике и информационным технологиям, предупреждающих против отношения к компьютеру только как к средству игры или забавы, пустого времяпровождения. Они ратуют за культуру, за свободу компьютерного мышления индивида, которая одна только и способна раскрыть перед ним весь спектр духовных, культурных возможностей этого чудесного продукта человеческого гения, поднять человека выше заурядных, примитивных, полуживотных потребностей.

Не ограничения и запреты, но полная свобода информационного мышления на основе овладения самыми передовыми информационными средствами и технологиями, в том числе и компьютером делает человека **потенциально** безгранично богатым в духовном отношении. Реализовать этот потенциал – это значит выиграть в информационном противоборстве, в направленности духовных исканий и устремлений каждого индивида. Пора признать, что непрерывные словоговорения в правящих кругах России о всеобщей компьютеризации школы, о доведении компьютера до каждой семьи, до каждого ребенка на фоне того факта, что Россия в этом отношении скатилась на одно из последних мест в мире, следует оценить как преступные по самой своей сути, обрекающие новые поколения наших граждан на полную информационную незащищенность. Пора, например, без идеологических предубеждений изучить и американский опыт, и практику всеобщей компьютеризации в странах Европы, равно как и впечатляющие успехи народного образования в Японии и Южной Корее.

Общий вывод из сказанного довольно прост в операционном отношении: не витая в прекраснотушных мечтаниях о манне небесной, которая когда-нибудь облагодетельствует заблудившийся в пустыне всеобщего информационного разрушения род человеческий, следует использовать принципы отнюдь не отработанной ныне **интегративной педагогики и весь исторически накопленный реальный объективный и субъективный потенциал духовной культуры**. Реализуя на практике эти принципы и этот потенциал, можно перейти от пустопорожней журналистской болтовни об информационных войнах к конструктивной, повседневной и черновой работе. Здесь провидится только один итог и возможна только одна награда – торжество подлинной и бессмертной человеческой духовной культуры. А оно неизбежно хотя бы в силу естественного самосохранения рода человеческого.

Конечно, легко постулировать лежащие ныне на поверхности исторического потока глобальные антиехуистские выводы и декларировать необходимость торжества эквитистской системы образования на базе новой информационной техники и технологий. Но как, на каких основах и какими путем это сделать – вот коренной вопрос нашего бытия. Повторяю – бытия в условиях почти

абсолютного, глобального торжества йехуистов-бестиариев, накинувших на человечество информационную паутину. Мой друг-читатель прекрасно понимает, что ответ на подобный вопрос есть не что иное, как призыв к тому будущему Спасителю, о пришествии которого явно либо втайне помышляют миллиарды ошеломленных парадоксами современной социальной реальности людей. Заменить приход Спасителя робкий лепет отдельного рядового думающего эквитиста – бессилён. Даже время Иоанна Крестителя еще не пришло ! Но именно «совокупный лепет» людей, составляющих цвет человечества, его надежду, все громче звучит как предвещающий земные катаклизмы неясный, но все нарастающий гул. Прислушаемся, что в нем уже сейчас облекается в относительно определенные формы, в те **Советы**, на которых, по моему прогнозу, будет основана Новая Книга свободного человечества. Поэтому от традиционных для всех систем образования **Заветов** сразу же перейду к попытке все поставить с головы на ногу, принципиально изменив представление о глобальной и поливариантной Цели Образования, и быть может, к прямому эпатажу – к попытке откровенно сказать о том, что все знают и без меня, но о чем предпочитают молчать.

Итак, **Заветы**. Они всегда были Договором с Богом, с Высшим существом, с Мировым Разумом, с Природой о тех нормах поведения, которым человек обязуется, в ответ на поддержку высших сил, всегда и неуклонно руководствоваться. Все эти Заветы – весьма многообразны и не могут быть объяснены без сколь – либо фундаментального их обоснования специалистами. В самом деле, почему, по Заповедям Будды, нельзя спать на широкой постели или почему иудей, радостно совокупляясь с женой, должен воскликнуть: «Се исполняю твою волю, о Боже !». В многообразии Заветов, как я уже писал, при помощи сетки Ранка выделяются лишь три действительно универсальных и всеобщих: «Другой - это ты», «Не делай другому того, что ты не хочешь, чтобы он сделал тебе», «Совершенствуйся». Но и эти общие Заветы ориентированы снизу – вверх, на достижения такого человеческого совершенства, которое кем-то и когда-то было предопределено. Кем и когда – абсолютно неизвестно. Причем столь абстрактного совершенства, к которому и ребенка, и взрослого как ребенка надо тащить за уши, не избегая и кнута, и пряника как форм насилия над индивидом.

А ведь такого совершенства, откровенно говоря, в истории никогда не было и быть не могло. Все мысли гениальных ученых, художников, вероучителей, высказанные по данному поводу, являются плодом их благородной, гуманистической фантазии и даже некоторого очаровательного лукавства во избежание признания человека – ошибкой природы. Так что **определяющим вектором глобального образования может быть только ориентир сверху – вниз, на раскрытие тех реальных потенциалов, которые заключены в каждом человеке, в таком, каким его породила всесильная Природа.** В природосообразном образовании его, в деле его постепенного, но неуклонного возвращения к нормальному естественному состоянию нужны не столько **Заветы**, отступление от которых всегда и неизбежно так или иначе наказуемо, сколько **Советы**, которые понять и принять как руководство к действию может только свободный человек, и притом любой без исключения человек. Следование Заветам – удел либо тупой толпы, либо великих подвижников,

героев. Карлейль объяснил это вполне закономерно с позиций избранных им исторических координат в знаменитой книге «Герои, культ героев и героическое в истории»: история мира не что иное как биографии великих людей. Любопытно, что даже Апостолы, шедшие за Иисусом, возроптали и впали в сомнение, узнав, что человек не может разводиться с женой, если та не прелюбодействовала и не может жениться на разведенной. Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться – такова была их реакция. На что Иисус ответил действительно поразительно: **не все вмещают слово сие, но кому дано.**

Заветы лукаво обходит большинство человечества, все те, «кому не дано». Хорошо было бы во имя общечеловеческой гигиены проверить, как выполняют Заветы те, кто меняет исповедуемую веру как костюм, в зависимости от социальной погоды: вчера – коммунист, активный «политработник», а сегодня – святоша, который умильно и на всеобщее обозрение крестится, да и всех тайком осеняет крестом. Не грех взглянуть и на тех, кто с исступлением Отца Федора на скале, одного из героев классического произведения русской литературы «Двенадцать стульев», демонстрирует свое «христианское первородство». Какое уж там первородство, когда они преблагополучно живут, не отдавая нищим, разоренным и обездоленным даже микроскопической частицы награбленного у народа. Они и не предполагают, что по христианскому обычаю их следовало бы публично побить камнями! Да не лучше было бы им и у правоверных мусульман, и у конфуцианцев, и у буддистов.

Но к Советам прислушиваются все, ибо они для каждого вполне реальны в меру реальности его индивидуального бытия. Говоря – «все», я тенденциозно утверждаю, что история это вечное движение того человеческого муравейника, в котором один выращивает плоды – для всех, другие – собирают на заводах из гигантских блоков уникальные машины и на фабриках – из миниатюрных чипов монтируют чудеса современной электроники, третьи, не зная отдыха, погружены в мир книг и средств информации, четвертые – образуют в новое чудо божественных по потенциям детей или бесстрашно устремляются в Космос. Все – это большинство нормальных, думающих, страдающих, ищущих правды людей, пчел в человеческом улье – в отличие от трутней. Но увы, трутни, отступая от природных норм, все больше и активнее занимают все жизненное пространство в этом улье. Отсюда и возникает представление о человеке как ошибке природы.

Советы, которыми члены информационной цивилизации будут пользоваться как всеобщими установлениями свободного человека и вектор которых направлен сверху – вниз, просты беспредельно, несмотря на полифоничность их проявления на региональном, этническом, социокультурном уровне. Сфера их торжества – не государство, но общественное самоуправление свободных индивидов. Еще раз повторяю – человечество всегда знало и знает ныне немало форм самоуправления, даже выживая совместно в условиях существования абсолютно алогичного государства. Они просты только потому, что отработаны до нас и для нас эквитистами прошумевших веков как принципы природосообразного, нормального для природы человека развития.. Разумеется, изменение природы человека не может не привести к изменению тех Советов, которые лежат в их основе. Поэтому характер их преломления в теории Яна Амоса Коменского, предвещавшего техническую революцию, не может быть

идентичен Советам, лежащим в основе теории образования эпохи информационной революции. Но доминанта этих Советов всегда и повсеместно едина, как один человек. Назову вполне прогностически эти Советы, которые сделает нормами бытия всех людей будущий гениальный Спаситель, человек, который заставит всех нас посмотреть на сотворенный нами мир, на его мерзости и ужаснуться.

Итак, **Совет первый.** Главное, что может стать фундаментом образования свободного индивида на всех возрастных этапах – неодолимая **потребность** в постижении триединой истины знаний, эмоций и веры. Если педагог обладает счастливой способностью развивать у учеников такую потребность, **усвоенное ими** становится базовым блоком образованности на всю дальнейшую жизнь. **Выученное** же вне функционирования тончайшего механизма потребности сразу же оказывается под роковым воздействием феномена забывания. Я все время пытаюсь убедить «руководителей образования» любых уровней провести корректную проверку знаний выпускников школы через год после ее успешного окончания. Скажем, хотя бы по примитивным «стандартам образованности». Мне лично, равно как и большинству профессуры высшей школы такая проверка не нужна, настолько очевиден факт почти полного забвения тех убогих сведений, которые остались в сознании, эмоциях, убеждениях ребенка, а ныне – нашего студента или слушателя. Важнее другое – во имя чего было затрачено столько средств и человеческой энергии, кипело столько пустых, безрезультатных страстей ? Таков эффект «воспитывающего обучения», обучения вне потребности самого обучающегося, ставшего догмой педагогической посредственности.

Совет второй. Образование соответственно вектору «сверху – вниз» дело сугубо личностное, интимное, значение которого дети осознают гораздо раньше, чем это нам кажется, а мы, взрослые, с большим опозданием. Как таковое, оно должно затрагивать весь мир **переживаний** человека, его мысли и чувства, вплоть до самых интимных, его убеждения веры и поведенческие установки. **Оно должно быть интересным.** Мне часто возражали некоторые педагоги: как может ученик переживать тот или иной закон физики либо математическую теорему ? У него есть только одно право и одна обязанность – выучить то, что я (школа, действующая программа, стандарты образования) считаю необходимым. Дорогой мой педагогический неистребимый оппонент – ведь мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь, и подавляющее большинство из нас вынесло из школы только иллюзорные очертания неопределенных знаний, эмоций, убеждений. Взяли в дальний путь мы действительно только то, что смутно или вполне определенно полагали волнующим, интересующим нас, неважно – физика ли то либо история, химия либо биология. Хотя «сдавали» бездну других предметов, даже названия которых канули в полное небытие, но действительно образованными стали вне стен «образовательных учреждений» соответственно доминанте личных интересов и непрерывному, по гроб, аутотренингу. Конечно, жизнь может и сломать человека, исторически привыкшего к социальным гарантиям, к человеческой защищенности. И если он, бывший электронщик, после развала предприятия становится проводником спального вагона на железной дороге, подающим вам традиционный чай, то по неизбежности забывает многое из того, чем жил ранее. Но не торопитесь –

поговорите с ним не с барских позиций клиента, а как с абсолютно равным вам человеком (что и есть на самом деле) и вы сразу же убедитесь, что учение с увлечением изменило его навсегда.

Совет третий. Наши педагогические реформаторы, передающие друг другу уже не одно десятилетие заразную, пострашнее чем сифилис неизлечимую болезнь преобразований ради преобразований, единодушны в какой-то звериной ненависти к труду ребенка, к усвоению им жизненного опыта старших поколений во всем его объеме. Кстати, все они, маститые и остепененные, как правило, выросли отнюдь не в столицах, а в глухих деревеньках или городках, которых нет ни на какой карте, так что в детстве и коров пасли, и кизяки на отопление собирали, и матери на огороде помогали, и дрова рубили, и с отцом сани на зиму готовили. Что же все они поняли в позорном кличе главного *yiehu-renegatus* начала девяностых годов – «Берите сколько можете унести!»? Конечно, только исходящий от властителя призыв – немедленно разворовать уникальные кабинеты трудового обучения с сотнями тысяч редчайших станков, море музыкальных инструментов, перенести в «дополнительное образование» музыкальные и художественные школы, поскорее раздать жирующим дельцам Дома пионеров, помещения пионерских лагерей, Домов детского технического творчества. Призыв был восторженно воспринят, и школа ныне «образовывает» ребенка вне практического действия. И все это – на фоне воровского самума, опустошившего и промышленность, и сельское хозяйство России, закрывшего пеленой всеобщего стяжательства «рынок труда». Мы гордимся человеком, когда узнаем новые сведения о Вселенной, полученные американцами в их уникальном эксперименте с телескопом в Космосе. Но мы просто стыдимся даже вспомнить, что на территории Украины нашими, советскими учеными был смонтирован уникальный, невиданный доселе прибор, расположенный в десятках взаимосвязанных в единую сеть ее регионах и дававший возможность проникнуть в миры только нарождавшейся звездной системы. Еще бы – сотни километров дорогостоящего кабеля – основы этого прибора разворовали нынешние наследники полудикого чеховского злоумышленника. Смешно, но сегодня большинство тех ребят, с которыми мне удастся откровенно поговорить, не владеет не то что станком – простым напильником, не ведает правил обращения с дрелью и т.д. Хотя, простите мою старческую забывчивость – успешно «сдают» в школе «по стандартам» правило буравчика. Справедливости ради надо поклониться мужественным руководителям системы профессионального образования, которые без шума и лишних словесных баталий умудрились сохранить, более того – приумножить ее образовательный потенциал в России, объединить их в Академию профессионального образования. Или тем многочисленным русским педагогам, которые невзирая на все скорпионы «стандартологов» продолжают традиции действенной педагогики. Имя им – легион, и в этом – надежда России. Так, мне однажды довелось быть оппонентом по докторской диссертации директора школы 1151 Зеленограда, Лучшего учителя года и т.д., и т.п. Игоря Агапова, посвященной компетентностному подходу. А затем – близко познакомится с его многочисленными учениками, которые уже сегодня, сейчас могут быть названы гордостью и русской науки, и русского предпринимательства. Сам безмерно увлеченный – и жизнью, и творчеством в коллективах КВН, и туристскими

походами, он вместе с педагогами школы передает подобную увлеченность детям, для которых никогда не существует мучительной проблемы выбора профессии. Все они, как говорится, у дела.

Секрет подобного успеха необычайно прост – только **действие**, в которое становится для обучаемого, образуемого человека жизненно необходимым, а потому и интересным, лежит в основе всех наших переживаний, а в итоге – формирующихся на их основе устойчивых потребностей. Так мы приходим к магической формуле великих педагогов всех времен и народов: П-П-Д, или Потребность – Переживание - Действие. О формуле П-П-Д мне приходилось многократно писать, но поскольку в ней заключен не реформаторский, а действительно революционный смысл, все завершалось традиционным для нас замалчиванием идеи, выстраданной эквитистами в течение многих веков, если не тысячелетий. Ныне же подобное замалчивание практически невозможно, ибо началась эра информационного образования, основанного на совершенно невиданных ранее действиях. Союз и только союз эквитистов, которым ныне доступна триединая истина, может сформулировать **Основоположения** такого образования, безусловно способного похоронить йехуизм и предопределить наше движение к Божественному человеку. Похоронить, организовав всеобщее и неодолимое духовное сопротивление ему.

Решая подобную задачу, нельзя не посмотреть с новых позиций и **на этапы глобального образования соответственно новым психологическим и социокультурным характеристикам человека информационной цивилизации**. Не давая жесткой привязки к возрастным особенностям этого вполне необычного и даже загадочного, противоречивого человека, выделяю следующие ступени образовательной лестницы:

Дрессировка как начальная и обязательная ступень образования гражданина новой, информационной цивилизации. Сразу же предвижу вой педагогических бабушек: Побойтесь Бога, речь же идет не о животном, но о человеке как венце творения и т.п. Какая уж тут дрессировка ! Да самая обычная, необходимая, без которой дитя не научится самостоятельно ходить в туалет, держать вилку или же немедленно вставать за столом, когда свои места занимают родители. Кстати, дитя это и есть животное в буквальном и высшем смысле слова, так что его надо шлифовать, беспощадно драить без устали, прежде чем в нем начнет просвечивать человеческое начало. Думаю, что правильно поступают мудрые немцы, разрешая отцу или матери новорожденного оставаться дома ... при полном получении заработной платы на предприятии. Каждый, кто хоть немного соприкоснулся с образованием одного новорожденного, согласится со мной, что это поразительно сложный и утомительный труд дрессировщика. Честное слова – до сих пор не понимаю, как все наши предки на рубеже девятнадцатого и двадцатых веков успешно выращивали по семь – десять детишек.

Поговорим откровеннее – а разве в жизни вполне взрослого, сформировавшегося человека в период его специального образования не бывает компонентов дрессировки ? Чем, как не такой дрессировкой является нуднейшая деятельность по освоению часами одних и тех же приемов строевой ходьбы, по доведенной до полного автоматизма разборка и сборка оружия в полной темноте, по отработке техники проползания под колючей проволокой. Об

одном воспоминании о ней меня до сих пор бросает в дрожь. Но что бы я делал без нее в степях Украины за своим неизменным «Максимом» ?

А дружный приветственный вой толпы при встрече с сувереном, героем или просто актером на эстраде ? Приглядитесь к усилиям конферансье, который от речевого пиано постепенно переходит на бешенное фортиссимо, представляя залу абсолютно неизвестного исполнителя как новую мировую звезду. Секунда – другая – и этот бессмысленный вой надрессированной годами толпы раздается совокупно с бурей алогичных аплодисментов.

Вспоминаю, что один из моих сотрудников довел идею дрессировки до абсурда, но – вполне убедительного. Однажды он уверенно заявил, что стоит ему вместе со мной появиться в одной из редакций (скученно размещавшейся, вполне как в романе И. Ильфа и Е. Петрова), как все ее многочисленные сотрудники сразу же повернуться к нам и дружно заулыбаются. Так и произошло, что вызвало ощущение и комизма, и неловкости. Секрет был прост – мой герой в течение полугода, приходя в редакторский закуток, сразу же раздавал всем без исключения доступные ему как члену семьи дипломата «заграничные» лакомства. Это, конечно, полуанекдотический факт, но сама дрессировка на основе новых технологически обоснованных способов отработки человеческих рефлексов не может быть исключена из общей картины новой системы образования во всех элементах или компонентах ее структуры. Кстати, попробуйте без такой дрессировки овладеть не то что компьютерными технологиями, но простыми навыками игры на балалайке !

Параллельно с дрессировкой всегда идет **тренировка**, предполагающая духовно-подкрепленное, заинтересованное отношение человека к поставленной перед ним образовательной задаче. Ее принципы – вполне универсальны, хотя всегда реализуются в связи со спецификой функционирования механизма П- П- Д. В рамках этого механизма и основанные на упорном, настойчивом действии, доставляющем целую гамму положительных переживаний, они превращаются в потребность. А именно она – главный движитель всего и всяческого прогресса. Только тренировка, а не одна лишь дрессировка побуждает молодое существо овладевать заинтересовавшим его сложнейшим предметом – отраслью науки, вызывая изумление педагогов. Только тренировка, изнурительная, выматывающая превращает исполнение обычных физических упражнений в чудо искусства, которым поражают нас гимнасты, акробаты, мастера фигурного катания, футболисты и баскетболисты, словом все те, которые вырываются из тенет обывательского йехуизма и дают нам познать (да и сами осознают !) качества действительно божественного, свободного человека. А разве без подобных тренировок появится на свет космонавт или высокопрофессиональный токарь, землепашец или подлинный (а не утвержденный йехуистами) представитель народного самоуправления, музыкант или преподаватель ?

Весь спектр тренировок, которые абсолютно немислимо перечислить, сопутствует нашей жизни. И он в первую очередь должен быть задействован в информационной системе образования человека, безотносительно к возрасту и субъективным способностям. Тренировки и прежде всего неутомимые тренировки – вот что может открыть перед каждым и рациональную меру его реальных способностей в безграничном по спектру духовном мире науки, искусства, веры, и правомерность социальных притязаний, без удовлетворения

которых никогда не добиться чувства всеобщего равенства. Слово теперь – только за специалистами, прорвавшимися в новые миры человеческого духа, науки, искусства, веры.

Можно без труда предположить, что неисправимый йехуист не пойдет в этом направлении за эквитистами, за их Советами. Он предпочтет купить диплом; пойти на любые противозаконные действия; об его карьере активно порадеет какой-либо из более опытных и вездесущих йехуистов; он быстро овладеет искусством контактов с «нужными людьми» и сразу же, на удивление окружающих, начнет преуспевать в системе государства. Ибо он по типологии своей – фундамент подобного Левиафана. Кстати, вспомните судьбу бессмертного героя А. Грибоедова, коему «на куртаге случилось оступиться»... Но и опытные владыки мира – бестиарии, уверовавшие ныне в свое абсолютное всесилие, и легионы новых рекрутов – йехуистов рангом помельче даже подумать не позволяют себе о неизбежном торжестве эквитистов в суперсистеме, которая подвластна лишь нормальной, совершенной природе Божественного человека.

Третья ступень всеобщей системы информационного образования – **корректировка**. Она выражается во все возрастающем осознании на уровне знаний, эмоций и веры индивидуальных целевых установок, которые позволяют ликвидировать чрезмерный разброс интересов и активизировать устойчивые потребности человека. В существовавшей доньше системе – «человек–человек» подобная универсальная корректировка, осмысленный выбор в безграничном количестве предложений многохитростной действительности того стержня интересов, который впредь определит все ваше индивидуальное бытие, зарегулирована самим педагогическим процессом. В системе же «действительность – информационное средство - человек» последний получает уникальную возможность переводить дрессировку в сферу максимального результата при минимуме энергетических и временных затрат, свободно преобразовывать тренировку – в аутотренинг, подвластный внутреннему и непрерывному самоконтролю.

Все эти ступени – отнюдь не мое изобретение. Их трансформируют применительно к конкретным предметам, сферам знаний, эмоций и веры многие думающие о человеке будущего, о борьбе с мраком йехуизма педагоги, социологи, политики, словом все те, кто невольно встает ныне в ряды эквитистов, даже не помышляя об этом. Мои размышления, основанные на их опыте, позволяют подойти к отнюдь не утопическому выводу: сумерки развития человека – отнюдь не обязательны, ибо Божественный человек властен исправить любые ошибки природы. Информационная цивилизация дает ему последний в этом отношении шанс. Будет ли он окончательно реализован или останется навсегда утопией – зависит от безгранично и тревожно умножающихся человеческих существ.

Вслушаемся в еще одно удивительное пророчество из далекого прошлого: «Впрочем, друг Мор, если сказать тебе по правде, мое мнение, так, по-моему, где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придется считать правильным то, что все лучшее достается самым

дурным, или удачным что разделено очень немногими, да и те содержатся отнюдь не достаточно, остальные же решительно бедствуют.

Поэтому я, с одной стороны, обсуждаю сам с собою мудрейшие и святейшие учреждения утопийцев, у которых государство управляется при помощи столь немногих законов, но так успешно, что и добродетель встречает надлежащую оценку и, несмотря на равенство имущества, во всем замечается всеобщее благоденствие. С другой стороны, наоборот, я сравниваю с их нравами столько других наций, которые постоянно создают у себя порядок, но никогда ни одна из них не достигает его; всякий называет там своей собственностью то, что ему попало; каждый день издаются там многочисленные законы, но они бессильны обеспечить достижение, или охрану, или отграничение от других того, что каждый, в свою очередь, именует своей собственностью, а это легко доказывают бесконечные и постоянно возникающие, а с другой стороны – никогда не оканчивающиеся процессы». Вслушаемся: не пора ли преодолеть охватившую нас подобно эпидемии дурь йехуизма и задуматься о возможности существования во Вселенной нормального, природного для человека бытия. О природосообразном человеке, которому кто-то скажет FIAT !

Ознакомиться с другими трудами В.А. Разумного
вы можете в Интернете по адресу: <http://razumny.boom.ru>